

eISSN 2311-2468
Том 3, № 10. 2015
Vol. 3, no. 10. 2015

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ЛЕБЕДЕВ А. П., НОВИКОВА М. М.
АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА В СССР В 60–80-е гг. XX в.:
АНАЛИЗ ДИСКУССИЙ 1980–90-х гг.

Аннотация. В статье сделана попытка провести историографический анализ работ 80-90-х годов XX в., посвященных проблемам аграрной политики СССР в 60-80-е годы прошедшего столетия. Рассматривается эволюция научных оценок в исторической науке по аграрной истории Советского Союза.

Ключевые слова: историография, публицистика, аграрная политика, апологетика, совхоз, колхоз, государственный сектор, идеология, аграрно-промышленный комплекс, переосмысление, волюнтаризм, мелиорация, неперспективная деревня, механизм торможения.

LEBEDEV A. P., NOVIKOVA M. M.
USSR AGRARIAN POLICY IN THE 1960-80s:
AN ANALYSIS OF DISCUSSIONS OF THE 1980-90s

Abstract. The article attempts at analyzing of historiographical works of the 1980-90s, dealing with the USSR agrarian policy of the 1960-80s. The authors consider the evolution of scientific assessments of the Soviet Union agrarian history.

Keywords: historiography, journalism, agricultural policy, apologetics, state farm, collective farm, public sector, ideology, agro-industrial complex, rethinking, voluntarism, melioration, unpromising village, mechanism of setting back.

Выявление и анализ уроков аграрной политики и аграрного развития может помочь в выборе оптимальных путей дальнейшего развития сельского хозяйства страны. Однако с анализом процессов, происходивших в советский период, все далеко не просто. Это касается и развития государственного сектора сельского хозяйства.

В разные периоды советского строительства, и особенно в течение последнего десятилетия, концептуально, с экономических и политических позиций изменялись подходы науки и государства к определению роли и места государственного сектора в экономике сельского хозяйства, оценке перспектив его развития.

Изначально, т.е. в первые годы советской власти, совхозы создавались на базе конфискованных помещичьих земель и имущества с целью иметь образцы эффективного ведения сельского хозяйства, оказывать научно-техническую помощь кооперативным и крестьянским хозяйствам (племенными животными, сортовыми семенами, консультациями и т.д.).

В 1960-х годах был произведен массовый перевод (реорганизация) мелких и экономически слабых колхозов в совхозы. И в тот период, и ныне эта кампания негативно оценивается экономистами, философами и историками как нарушение прав граждан в отношении выбора форм хозяйствования, при этом ей зачастую придается идеологическая окраска. На самом деле это был способ оказания финансовой и иной экономической помощи отстающим хозяйствам и, что особенно важно, перевода значительного контингента колхозников на условия государственного социального страхования и социального (пенсионного) обеспечения, что существенно улучшало их благосостояние. Это обстоятельство замалчивалось и замалчивается при сравнительной оценке эффективности кооперативного и государственного секторов сельского хозяйства.

Предвзятость в оценке значения и роли совхозов присутствовала в научных трудах многих специалистов, вплоть до настоящего времени. В новейшей историографии, вполне объективно, отмечаются такие негативные черты литературы по истории совхозов, как и по аграрной истории в целом, как не критическое отношение к партийным документам и комментаторство, апологетика аграрной политики правящей партии, лакировка действительности, конъюнктурщина, идеологическая запрограммированность основных выводов, унифицированность теоретико-методологической базы, ложная теоретическая основа в виде концепции развитого социализма, бесплодный характер ряда дискуссий, однообразие проблематики и отсутствие постановки многих важных аграрно-исторических проблем. При этом в историографии подчеркивается, что, находясь под жестким идеологическим и цензурным прессом, обществоведческая литература по аграрным проблемам и не могла быть иной. Вместе с тем в историографии сформировался критически-реалистический, а не нигилистический подход к прежней литературе, стремление утвердить который отчетливо проявилось в публицистике на рубеже 80-90-х гг. В частности, отмечается ряд несомненных достоинств публикаций прошлого. Это и весьма широкий спектр проблем развития производительных сил деревни, совершенствования экономических отношений, форм организации производства, управления и труда, социального развития села и деятельности местных органов власти в области развития аграрного сектора. Это и создание ряда обобщающих работ по аграрной истории в целом и государственного сектора, в частности [4], наличие которых остается фундаментальной фактологической базой, без которой не могут обойтись современные исследователи.

Трудно говорить и однозначно апологетическом характере прежней литературы. Конечно, партийные установки в области аграрной политики препятствовали углубленному изучению истории села, приводили к тому, что литература вынужденно не замечала нарастания проблем в развитии сельского хозяйства. Цензурные, идеологические препоны не

оставляли возможности публикации действительно объективных, критических работ по аграрной истории. Тем не менее, немалое число авторов прошлых лет (И. М. Волков, М. А. Вылцан, Ю. П. Денисов, И. Е. Зеленин, А. А. Никонов, В. Б. Островский, В. А. Тихонов, А. П. Тюрина и др.) не только подняли широкий фактический материал, но и максимально возможно пытались показать действительную жизнь деревни с ее проблемами, трудностями и противоречиями.

Литература, отличавшаяся критической направленностью, весьма значительной объективностью в освещении конкретных сторон развития колхозно-совхозного производства, констатацией серьезных противоречий и проблем в социальном развитии села, не утратила своей значимости и в наше время. В числе оценок, остающихся справедливыми и в наши дни, можно назвать анализ конкретных трудностей и противоречий в развитии материально-технической базы сельского хозяйства, выявление причин миграции сельского населения, выводы о необходимости усиления внимания к проблемам социального развития села, устранения диспропорций в развитии АПК, усиления самостоятельности в развитии совхозов, негативных последствиях администрирования в руководстве сельским хозяйством, анализ некоторых тенденций развития социальной структуры сельского населения игнорирования многоукладного характера экономики села и др.

Вместе с тем, как справедливо отмечается в современной литературе, научной концепции аграрной политики и аграрного развития страны тех лет не удалось.

Первые шаги, направленные на переосмысление аграрной истории страны, были предприняты в 1986-1989 гг. [3]. Внимание исследователей привлекли такие острые проблемы аграрной истории, как волюнтаризм и администрирование в руководстве колхозами и совхозами, мелиорация, сселение неперспективных деревень и др. В эти же годы вышел ряд монографических исследований, отразивших изменение характера изучения аграрной истории и аграрных отношений, процесс утверждения объективных подходов в науке [2].

Расширение рамок научного поиска во второй половине 1980-х гг. нашло отражение в постановке вопроса о механизме торможения в аграрной сфере. Обращает на себя внимание принципиально важная особенность литературы того времени, состоящая в сохранении социалистической направленности аграрно-исторических исследований [5].

Между тем в рамках концепции механизма торможения исследовательская мысль не остановилась. На рубеже 1980-90-х годов в литературе начала оформляться радикально-реформаторская концепция аграрной политики КПСС, исходящая из того, что аграрная политика на всем ее протяжении носила антикрестьянский характер, базировалась на порочных идеях тотального планирования и огосударствления аграрной экономики,

игнорирования товарно-денежных отношений. Причем, если первоначально данный подход отличался радикализмом оценок и признанием порочности определенной модели социализма, то впоследствии все большей антисоциалистической направленностью вообще. В литературе был поставлен вопрос, условно говоря, о доктринальных основах аграрного кризиса. Такой подход отразился в работах И. Н. Буздалова, О. В. Иншакова, Л. В. Никифорова и других исследователей [1].

Наряду с подобными оценками, ставящими во главу угла политэкономические, идеологические и политические причины аграрного кризиса (характер производственных отношений и в особенности характер собственности, диктат в руководстве сельским хозяйством, предвзятое отношение к развитию товарно-денежных отношений и т.п.) в литературе существует и иная точка зрения. Ряд авторов, избегая идеологизированных оценок, концентрируют внимание на анализе экономической составляющей аграрной политики. Н.П.Радугин и другие исследователи делают вывод о том, что не колхозно-совхозная форма производства была причиной отставания сельского хозяйства[7].

Еще одна особенность литературы последних лет связана с углублением теоретических поисков. Необходимость переоценки отечественной аграрной истории закономерно привлекла внимание к теоретико-методологическим аспектам аграрно-исторической науки. С этой точки зрения заметным событием научной жизни стала работа теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», проводимого институтом Российской истории РАН и Междисциплинарным академическим центром социальных наук (Интерцентр), начиная с 1992 г. [6].

Таким образом, проблема анализа с теоретических позиций состояния и перспектив агропромышленного комплекса возникла не сегодня. А другая проблема – реализация результатов такого анализа на всех уровнях руководства – не просто назрела, а перезрела. Как показывает анализ литературы, исследователи вполне единодушны, показывая глубокую ошибочность общего подхода к реформированию аграрного сектора в последнее десятилетие, когда в качестве идеала были избраны фермерский уклад и отношения свободного рынка, и делалось все, чтобы в короткие сроки в отечественном сельском хозяйстве расчистить почву для укоренения всего этого.

Бесплодность такого подхода уже не нуждается в доказательстве. А вот выводы предлагаются разные. Одни высказывают убежденность, что выход из глубокого аграрного кризиса в современной России, восстановление и дальнейший рост российского сельского хозяйства должны осуществляться на основе сохранения и развития всех реально существующих форм сельскохозяйственного производства. Другие ученые настаивают на острой необходимости анализа аграрных укладов современной России с точки зрения их

социально-экономической перспективности, с тем чтобы в дальнейшем осуществлять целенаправленную и продуманную поддержку одних укладов, предоставив другим выживать самостоятельно.

Однако, в любом случае, очевидно, что современный уровень научно-практического осмысления общего положения в сельском хозяйстве и перспектив его развития возможен только под углом зрения анализа реально существующих в нем хозяйственных укладов, их социально-экономической природы, логики и тенденций их взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. И. Многоликая деревня: (население и территория). – М.: Мысль, 1990. – 270 с.
2. Симуш П. И. Мир таинственный...: Размышления о крестьянстве. – М.: Мысль, 1991. – 316 с.
3. Данилов В. П. Октябрь и аграрная политика партии // Коммунист. – 1987. – № 16. – С. 28–38.
4. Ивницкий Н. А. Коллективизация сельского хозяйства СССР: опыт, уроки, выводы. – М.: Мысль, 1988. – 272 с.
5. Котов Г. Г., Мельников В. Ф. Экономические и социальные проблемы села на современном этапе. – М.: Политиздат, 1979. – 272 с.
6. Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917–1970). – М.: Политиздат, 1973. – 592 с.
7. На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / под общ. ред. В. В. Журавлева. – М.: Политиздат, 1990. – 449 с.
8. Радугин Н. П. Аграрная экономика: проблемы обновления. – М.: Экономика, 1993. – 239 с.

АНУФРИЕВА В.С.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются интеграционные процессы в Латинской Америке во второй половине XX века. Изучается период формирования интеграционных организаций в регионе, анализируются факторы, влияющие на их развитие.

Ключевые слова: интеграция, зона торговых преференций, зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, Латиноамериканская ассоциация свободной (ЛАСТ), Центральноамериканский общий рынок (ЦАОР), Кариком, Меркосур, Группа РИО, Андский Парламент, Латиноамериканский парламент, Индийский Парламент.

ANUFRIEVA V.S.

INTEGRATION PROCESSES IN LATIN AMERICA IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Abstract. The following article is the review of integration processes in Latin America in the second part of XX century. the issues beeing under concideration are the foundation period of integration organizations in the region mentioned and the main factors which had the influence on their developement.

Keywords: integration, the area of trade preferences, a free trade area, customs union, common market, free Latin American Association (LAFTA), the Central American Common Market (CACM), Caricom, Mercosur, the Rio Group, the Andean Parliament, the Latin American Parliament, Indian Parliament.

Современные интеграционные процессы в Латинской Америке берут начало в 1960-е гг. В то время под влиянием успехов Европейского экономического сообщества возникла идея создания в регионе собственного экономического союза, прежде всего, в форме зоны свободной торговли.

Первой в 1960 г. была создана Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (ЛАСТ). Цель создания организации – создание зоны свободной торговли в Западном полушарии. Группировка объединила 85 % стран Латинской Америки и Карибского бассейна, в их числе: Мексика, Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Эквадор, Парагвай, Перу, Уругвай, Венесуэла. Это крупные и средние по объему ВВП страны региона. С середины 60-х гг. в рамках ЛАСТ образовались два субрегиональных торгово-экономических блока: Андская группа (Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Боливия, Перу и Чили) и Ла-Платская группа (Аргентина, Бразилия, Парагвай и

Уругвай) [6]. Огромная экономическая дифференциация между странами не позволила полностью реализовать намеченные проекты. Однако в их рамках была создана система взаимных торговых преференций, основу которой составляли товары, не являвшиеся предметом взаимного экспорта. Как отмечает Г.М. Костюнина, «страны продолжали протекционистскую торговую политику, положенную в основу концепции импортного замещения» [7].

В 1980 г. на базе ЛАСТ была создана Латиноамериканская ассоциация интеграции (ЛАИ), задачей которой стало создание условий для формирования латиноамериканского общего рынка.

Второй интеграционной группировкой Латинской Америки стал Центральноамериканский общий рынок (ЦАОР), образованный в 60-х гг. В его состав вошли 5 государств, среди которых: Сальвадора, Гватемала, Гондураса, Никарагуа, Коста-Рика. Страны-члены намеревались сформировать таможенный союз, но достигли только зоны преференциальной торговли, просуществовавшей вплоть в период до 1990-х гг. В 60-е гг. в рамках ЦАОР произошло снижение пошлин, что способствовало росту взаимной торговли, но в дальнейшем доля взаимного товарооборота в совокупной торговле снизилась [1, с. 97].

ЦАОР в 80-е гг. из-за вооруженных конфликтов в субрегионе практически бездействовал. За 1990-гг. взаимный экспорт группировки увеличился с 667 млн. долл. до 2598 млн. долл. [5], а удельный вес снизился с 15,3 % до 11,5 % [7]. В 1993 г. страны предприняли попытку возродить группировку на основе подписания нового соглашения. В целом, в 90-е гг. интеграционные мероприятия в ЦАОР стагнировали.

В 60-е гг. XX века основная часть субрегионального товарооборота была освобождена от таможенных пошлин. Внутризональный экспорт увеличился в 8 раз [9, с. 89]. Доля готовых изделий и полуфабрикатов достигла половины стоимости субрегиональных торговых операций, что свидетельствует об эффективности интеграционных процессов.

В 1973 г. для обеспечения беспошлинной торговли между странами было создано Карибское сообщество (Кариком), в которое вошли островные государства бассейна Карибского моря.

Интеграционные процессы в Карибском бассейне начались фактически в 90-е гг. после подписания нового соглашения о зоне свободной торговли и приема новых членов. Главные успехи достигнуты в либерализации торговли на основе ликвидации большинства таможенных пошлин и многих нетарифных барьеров во взаимной торговле,

введения субрегиональных стандартов на отдельные виды товаров [7]. На рубеже веков организация превратилась в таможенный союз.

В 1980-е гг. экономический кризис затронул все государства Латинской Америки, что пагубно сказалось на интеграционных процессах. Наступил временный застой.

С начала 1990-х гг. произошел перезапуск существовавших субрегиональных группировок, а также были созданы более мощные новые интеграционные объединения.

Динамичным интеграционным объединением стал к середине 1990-х гг. Единый рынок стран Южного конуса – Меркосур, договор о создании которого подписали президенты Бразилии, Аргентины, Уругвая и Парагвая в марте 1991 г. Главной целью при создании таможенного союза являлись либерализация взаимной торговли, открытие рынков как средства проведения структурных реформ и модернизации национальных экономик. Договор предусматривал отмену всех пошлин и нетарифных ограничений во взаимной торговле стран-членов, а также введение единого внешнего тарифа [4]. Меркосур стал практически первым таможенным союзом в Южной Америке.

Интеграция рассматривалась государствами союза как ответ на тенденции мирового развития и средство обеспечения полноправности стран региона в решении вопросов мировой экономики. Конечной целью процесса провозглашалась интеграция всех стран Латинской Америки.

Создание Меркосур осуществлялось в контексте режима открытого регионализма, который подразумевает под собой открытость для присоединения новых членов, отсутствие жестких внутренних структур, возможность режима «ассоциированного членства», установка на сотрудничество с другими интеграционными объединениями, большая открытость в отношении мирового рынка и иностранного капитала [6]. Теперь латиноамериканская интеграция ориентировалась, главным образом, на мировой рынок, на создание условий для повышения конкурентоспособности экономик государств и региональных объединений в мировой экономике, а не на регион, как было в 60-70 гг.

Ко второй половине 1990-х гг. Меркосур стал четвертым в мире по экономическому потенциалу интеграционным блоком, по объему ВВП (около 1 триллиона долларов [8, с. 24]) сравнявшимся со странами АСЕАН. В 1996 г. к группировке на правах ассоциированных членов присоединились Чили и Боливия.

Значительный успех в интеграции и экономическом развитии стран-членов Меркосур пришлось на первые восемь лет деятельности блока. Рост торгово-экономических показателей в этот период был эффективным. Так, с 1991 г. по 1998 г. экспортные потоки внутри группировки выросли в пять раз с 4,1 до 20,4 млрд. долл. [8, с. 35]. Доля внутризональной торговли в объемах взаимных поставок в конце 90-х гг.

составляла 14% для Бразилии и свыше 30 % для Аргентины, Парагвая и Уругвая [8, с. 27]. Снижение таможенных барьеров и макроэкономических рисков способствовало углублению процессов взаимодополняемости и специализации. Схожая ситуация наблюдалась в инвестициях, которые между крупнейшими партнерами по интеграции возросли за восемь лет более чем в восемь раз [8, с. 28], переключившись во многом со сферы услуг на производственные отрасли.

Интеграция в политической сфере нашла воплощение в деятельности континентального, регионального и субрегионального парламентов, а также парламентов, созданных по этническому или географическому признакам.

Общий Латиноамериканский парламент был создан в декабре 1964 г. На момент создания в него вошли 14 государств. Главная цель – формирование латиноамериканского сообщества наций, содействие достижению экономической, политической, социальной и культурной интеграции стран континента.

В состав Андского парламента, учрежденного в октябре 1979 г., вошли Боливия, Венесуэла, Колумбия, Перу и Эквадор. Официальное открытие Центральноамериканского парламента состоялось в октябре 1991 г. Амазонский парламент был образован согласно Договору об Амазонской кооперации от 3 июня 1978 г. Учрежден он был в Лиме (Перу). Формируется из представителей парламентов Боливии, Бразилии, Венесуэлы, Гайаны, Колумбии, Перу, Суринама и Эквадора [3].

Специфическая роль отводилась Индейскому парламенту Америки, основанному в 1987 г. Он включал всех законодателей из числа индейцев из 18 стран Западного полушария, включая Канаду и США. Его главная цель – обсуждение проблем коренного населения, путей и способов их решения [10, с. 136].

Кроме правительств на территории региона появилась организация, которая помимо экономической направленности имела и геополитическую, Группа Рио (ГР), созданная в 1986 году. Группа Рио является наследницей кандаторской группы, которая, в свою очередь, представляла собой совещательный орган в составе Мексики, Венесуэлы, Колумбии, Панама с целью содействию мирному политическому урегулированию кризиса в Центральной Америке.

Первоначально в ГР вошли Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Панама, Перу и Уругвай. В октябре 1990 г. в состав группы включены Боливия, Парагвай, Чили, Эквадор, а также на основе ротации по одной стране от центральноамериканского и карибского субрегионов. В сентябре 1999 г. в состав ГР включены Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор и Доминиканская Республика. Группа Рио является наиболее представительным и влиятельным политическим объединением

латиноамериканских государств. Направления деятельности группы включают: расширение и укрепление политического сотрудничества и диалога; формирование единой позиции по международным вопросам, представляющим общий интерес; содействие процессам латиноамериканской интеграции; вынесение решений по региональным проблемам и конфликтам; улучшение межамериканских отношений; выявление новых сфер сотрудничества, благоприятствующего экономическому, социальному и научно-техническому развитию стран ГР [2].

Таким образом, латиноамериканская интеграция развивалась по сложному и противоречивому пути, у неё были периоды подъёма и спада, прорывов и кризисов. Интеграционные процессы в 60-е гг. XX века носили чисто экономический характер, главной целью для большинства государств был экономический рост и независимость от северного соседа США, а добиться этого они могли только совместными усилиями. Интеграция носила характер закрытого регионализма, возможно, поэтому не имела особых успехов.

В 70-е гг. прошлого столетия экономическая ситуация в регионе характеризовалась возникновением проблем задолженности на фоне отрицательных торговых и платежных балансов. Происходила массовая национализация иностранной собственности, были введены новые нормативы в отношении зарубежных инвестиций. Интеграционные процессы были ориентированы в пользу местного населения.

На фоне мирового экономического кризиса 80-х гг. интеграция приостановилась. Несмотря на это появилась первая влиятельная группировка, чья интеграционная направленность носила не только экономический характер, но и геополитический характер. Представляется, что это серьёзный шаг, ведь целью создания Группы Рио была именно независимость в проведении внешней политики в регионе, в первую очередь, от США. Новую силу интеграционные процессы в регионе приобретают в 90-е гг. Они стали носить характер открытого регионализма. Настоящим экономическим чудом является появление Меркосур, который за 4 года после создания стал таможенным союзом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов Д. В. Интеграционные процессы в Латинской Америке // Международная жизнь. – 2006. – № 3. – С. 95-106.
2. Группа Рио [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geopolitics.ru/2012/10/gruppa-rio/>
3. Дабагян Э. Интеграция по-латиноамерикански [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2007/06/08/integracion/>

4. Евдокимов А. И., Грук Л. В. Интеграционные процессы в странах Латинской Америки: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3582>
5. Карякин А. Интеграция Южной Америки: рождение глобального игрока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.terra-america.ru/integraciya-ujnoi0ameriki-rojdenie-globalnogo-igroka.aspx>
6. Косов Ю. В. Мировая политика и международные отношения. СПб.: Питер, 2012. – 384 с.
7. Костюнина Г. М. Интеграция в Латинской Америке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mgimo.ru/files/31215/31215.pdf>
8. Кудрявцева Е. Ю. Экономический потенциал и перспективы развития Южноамериканского общего рынка // Российский внешнеэкономический вестник. – 2008. – № 2. – С. 26-34.
9. Романова З. Латинская Америка: региональная интеграция на новом витке развития // МЭиМО. – 2005. – № 10. – С. 88-98.
10. Строгонов А. И. Новейшая история стран Латинской Америки. – М. : Высшая школа, 1995. – 415 с.

БУДАРИНА А. Г.

**РОЛЬ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ КАК ВЕДУЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ФАКТОРА РАЗВИТИЯ КИТАЯ XVII-XIX ВВ.**

Аннотация. Перенаселение давно является серьезной проблемой для Китая. Роль перенаселения как ведущего фактора социально-экономического развития XVII-XIX вв. признается практически всеми специалистами, изучавшими этот период. Рост численности населения приводил к дроблению крестьянских участков и разорению крестьян.

Ключевые слова: история, Китай, социология, экономика, землевладение, демография, собственность, перенаселение.

BUDARINA A. G.

**OVERPOPULATION AS THE MAJOR SOCIO-ECONOMIC FACTOR
OF CHINA'S DEVELOPMENT IN THE XVII-XIX CENTURIES**

Abstract. Overpopulation has been a serious problem for China for a long time. Almost all the specialists studying this period acknowledge the role of overpopulation as the major factor of socio-economic development. The population growth led to subdivision of land plots and peasant bankruptcy.

Keywords: history, China, sociology, economy, land ownership, demography, property, overpopulation.

Анализируя историю Китая в период Цин, стоит отметить, что роль перенаселения как ведущего фактора социально-экономического развития признается практически всеми специалистами, изучавшими этот период. В их числе как отечественные исследователи, А. Д. Дикарев и В. П. Илюшечкин, так и китайские, в частности, Чжоу Юаньхэ [5]. Таким образом, цинский цикл явился одной из основных моделей для разработки циклической теории.

Маньчжурское нашествие стало очередным захватом Китая варварами. В результате, история империи Цин началась с синтеза маньчжурских и китайских социальных традиций. В данном случае синтез был облегчен тем обстоятельством, что маньчжуры с самого начала выступали в роли союзников китайских помещиков в развернувшейся в XVII веке гражданской войне. Власть маньчжур являлась властью помещиков, следовательно, в отличие от предшествующего периода, помещичья собственность сохранилась и даже стала преобладать. Свидетельством господства помещиков можно считать и то, что чиновничество формировалось из них, и размер собираемых налогов для них не был ограничен ничем. Естественно, непомерно высокие налоги должны были сузить экологическую нишу

китайского этноса. Тем не менее, в данном демографическом цикле численность населения превысила показатели эпохи Мин. Однако точных данных об эпохе Мин мы не имеем. Повышение численности легко объясняется усовершенствованием технологии возделывания риса, распространением кукурузы и батата, а также окончательным переходом к мотыжному земледелию, когда все пастбища были отданы под пашни, и каждому кустику риса уделялось особое внимание [1, с. 69–70; 3, с. 208]. И опять же, в отличие от предыдущего периода, правительство в подъеме сельского хозяйства, по сути, не участвовало. Цины были ограничены помещиками, поэтому их власть была слаба. Реформы не проводились.

Ближе к середине XVII века численность населения резко уменьшилась, что стало причиной появления свободных земель, следовательно, демографическое давление понизилось. Это повлияло и на снижение цен на зерно: по сравнению с предыдущим столетием цены снизились в 5-6 раз.

Таким образом, стоит считать, что период восстановления начался в 80-х годах XVII века и продолжался до середины XVIII века. Характерными чертами этого периода являются: повышенный уровень потребления основной массы населения; возрастание численности населения; увеличение посевных площадей; строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений; понижение цен на хлеб и на землю; дороговизна рабочей силы; ограниченное развитие городов и ремесел; внутривосточная стабильность государства.

Настоящей причиной успешного развития сельского хозяйства (и, соответственно, повышения численности населения) было совершенствование агротехники: распространение кукурузы, батата, арахиса, скороспелых сортов риса. В XVIII веке успехи крестьянской селекции привели к появлению риса, который вызревал на сороковой день после высадки рассады, т.е. на 10 дней раньше, чем прежде. Это способствовало расширению практики двухразовых посевов и увеличению урожая. Большое значение имела и интенсификация труда.

В первой половине XVIII века цинскому правительству удалось наладить эффективное управление страной, одним из результатов чего было то, что в этом веке наиболее быстрые темпы роста численности населения наблюдались именно в Китае.

Увеличение численности населения привело к дроблению участков и разорению крестьянства. Уже в начале XVIII века оказалось так, что только 30–40% крестьян имеют собственную землю, а остальные арендуют ее у помещиков.

По данным середины XVIII века отмечается низкий уровень потребления основной массы населения. Учащаются сообщения о голоде, стихийных бедствиях. Крестьяне страдают от малоземелья, собственники разоряются, в то время как помещичье

землевладение растет. Наблюдается расцвет ростовщичества, распространяется долговое рабство. Крестьяне, потеряв все, уходят в города, следовательно, города растут. Это способствует бурному развитию ремесел и торговли в городах. Уровень заработной платы резко падает, рабочая сила удешевляется, цены на хлеб повышаются вместе с ценами на землю. Численность безработных и нищих увеличивается, частыми становятся бунты и восстания, народные движения активизируются под лозунгами перераспределения собственности и достижения социальной справедливости.

По данным источников, ирригационной системе не уделялось должного внимания, следовательно, множество оросительных каналов засорилось илом и обмелело впоследствии. Правительство не заботилось об ирригации, переложив эту миссию на местное управление. Несмотря на все это, численность населения неуклонно росла, к 1800 г. приблизилась к 300 миллионам [1, с. 71–73]. Французский историк М. Картье писал: «Принимая во внимание отсутствие какой бы то ни было промышленной или сельскохозяйственной революции... огромный прирост населения в XVIII веке представляет для демографов настоящую загадку» [1, с. 67].

Итак, к началу XIX века численность населения Китая достигла 300 млн. человек. За вторую половину XVIII века цены на рис выросли с 6-7 до 30-40 цяней за 1 дань, то есть в 5-6 раз. Заработная плата тоже повысилась, но не так значительно. Дневная зарплата в зерновом исчислении равнялась приблизительно 2 литрам зерна, чего еле хватало на пропитание. Реальная же заработная плата за последние несколько десятилетий уменьшилась в 1,5 раза и приблизилась к голодному минимуму. Чиновники утверждали: «Население растет, и столько бед происходят прежде всего от того, что население слишком велико». Даже сам император Цяньлун говорил, что «не хватает места на полях для домов, а между теми, кто тянет двор и едоками образуется диспропорция не в сторону кормильцев» [4, с. 162].

Названный европейскими социологами «китайским Мальтусом» сановник Хун Лянцзи писал: «Количество земли и жилья может увеличиться в 2 раза, в крайнем случае в 3-5 раз, в то время как население возрастет в 10 или 20 раз. Знает ли природа средства от перенаселения»? Он говорил и о последующем наступлении голода и о том, что в итоге начнутся народные волнения. Только в отличие от Мальтуса Хун Лянцзи описывал то, что видел сам, потому справедливость его предупреждений сомнений не вызывала [2, с. 118–121]. Голод и эпидемии были распространены повсеместно, города наполнились беженцами и нищими, спавшими прямо на улицах. После морозной ночи 1 февраля 1796 г. на пекинских улицах подобрали 8 000 замерзших. Тем не менее, за рассуждениями о грядущих бедствиях не следовало никаких решительных действий, хотя еще в середине XVIII века один из

высших сановников Цяньлуна предлагал установить максимальный размер участка в 30 цин, излишки же раздать беднякам. Предложение отклонили как «нереальное».

В 1796 году пророчество Хун Лянцзи сбылось: на востоке Китая началось крестьянское восстание, охватившее шесть провинций и продолжавшееся 9 лет. Проповедовавшая уравнивание имуществ секта «Белого лотоса» подняла крестьян на восстание, повстанцы убивали всех маньчжур и помещиков. Восставшие были настолько решительны, что, уходя в армию, они сжигали свои дома. После нескольких поражений маньчжурских войск правительство было вынуждено воспользоваться помощью местных ополчений, которые сформировали помещики и шэньши. Карателями применялась «тактика выжженной земли»; не обошлось и без крупных жертв – при подавлении восстания погибло несколько сот тысяч человек.

К 1825 году численность населения достигла 370 миллионов человек. В низовьях Янцзы люди жили на воде: обитавшие на джонках рыбаки, по словам современника, не умели ходить по суше. Разорение крестьян разрослось до таких масштабов, что в некоторых районах помещики владели 90% земли, а имущество землевладельцев было заложено.

В середине XIX века разразился экосоциальный кризис: восстания и гражданские войны, голод, эпидемии, гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы. В исторической хронике «Дунхуалу» с 1841 по 1849 годы было зарегистрировано 110 восстаний в различных провинциях страны [3, с. 33]. По оценкам специалистов, погибло более 50 миллионов человек – это была одна из самых страшных катастроф, когда-либо происходивших на Земле. Что самое характерное, наибольшие потери принесли все же не военные действия, а сопровождавшие их голод и эпидемии. Летом 1855 года Хуанхэ прорвала дамбы, которые давно никто не ремонтировал, и, уничтожая все на своем пути, проложила себе новый путь к морю севернее Шаньдуна. Эта колоссальная катастрофа стала причиной гибели 7 миллионов человек. После войны, в 1877-78 годах на Севере разразился страшный голод, жертвами которого стали около 10 миллионов человек. «Поля заброшены, повсюду виднеются кости, не курятся дымки в очагах, – писал современник, – немногие оставшиеся в живых днем собирают дикие травы, чтобы утолить голод, ночью – спят на голой земле» [5, с. 255].

Рассмотренный выше период представляет собой полный демографический цикл, включающий в себя восстановление, сжатие, экосоциальный кризис и демографическую катастрофу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дикарев А. Д. Некоторые проблемы роста и учета населения в эпоху Цин // Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время. – М., 1991. – С. 60–76.
2. Дикарев А. Д. Хун Лянцзи – китайский Мальтус // XIV НК ОГК. – М., 1983. – Ч. 2. – С. 115–126.
3. Илюшечкин В. П. Развитие производительных сил и общественного производства в древнем и средневековом Китае // Производительные силы и социальные проблемы старого Китая. – М. 1984. – С. 197–215.
4. Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае. – М., 1990. – 247 с.
5. Чжоу Юаньхэ. Циндай жэнькоу янцзю (Исследование народонаселения в эпоху Цин) // Чжунго шихуэй кэсюэ. – 1982. – № 2. – С. 252–263.

АХУНОВ Р. С., БОГАТЫРЕВ Э. Д.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИУДАИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Аннотация. Вопрос распространения иудаизма среди хазар является одним из основных в изучении истории Хазарского каганата. Существующие на эту тему сообщения письменных источников трактуются по-разному, и в мировой историографии наблюдается несовпадение мнений. Сравнительно небольшое количество археологических находок не дает нам права говорить о повсеместном распространении этой религии среди всего хазарского населения.

Ключевые слова: история, религия, иудаизм, Хазарский каганат, хазары, евреи, археология, Причерноморье, Кавказ.

AKHUNOV R. S., BOGATYREV E. D.

THE SPREADING OF JUDAISM IN THE KHAZAR KHAGANATE

Abstract. The spreading of Judaism among the Khazars is a controversial issue in the study of the history of the Khazar Khaganate. The available written sources are treated differently. Consequently, there is a disagreement about the matter in the world historiography. As the number of archaeological finds is relatively small, there is no evidence of widespread dissemination of Judaism among all the Khazar population.

Keywords: history, religion, Judaism, Khazar Khaganate, Khazars, Jews, archeology, Black Sea region, Caucasus.

Проблема распространения иудаизма среди хазар и выяснения причин принятия именно этой религии языческим тюркским населением является одной из наиболее интересных в истории авраамических религий. Хазары соседствовали как с христианами, так и с мусульманами, но в качестве государственной религии был принят именно иудаизм. Причины этого решения я постараюсь раскрыть в этой статье.

Вопрос распространения иудаизма – один из ключевых вопросов в изучении истории Хазарского каганата. Существующие на эту тему сообщения письменных источников трактуются по-разному, и в мировой историографии наблюдается несовпадение мнений. Российские и украинские специалисты традиционно придерживаются скептической оценки, считая, что в иудаизм перешли только царский род и некоторая часть высшей знати. Напротив, западные и, в том числе, израильские историки настаивают на широком бытовании этой религии среди всех хазар, а также на ее проникновении в среду подчиненных хазарам народов. В крайнем виде эти точки зрения превращаются в

провозглашение насильственного характера иудаизации «сверху», преувеличение еврейского фактора в хазарской истории в ущерб остальным, а иногда в полное отождествление хазар с евреями [2].

Первое сообщение о принятии иудаизма хазарами принадлежит Мас'уди. «Царь хазар, – гласит этот рассказ, – обратился в иудаизм во времена халифа ар-Рашида, и стали стекаться к нему иудеи из разных мусульманских стран и из Рима, это потому, что царь Рума Роман в настоящее время, год 332 (943–44 гг.), настаивая, чтобы иудеи, которые находятся в его царстве, перешли в христианство, и понуждал их».

Археологические данные должны стать решающими в решении этого спорного вопроса. Несмотря на наличие письменных источников, в частности еврейско-хазарской переписки, материальные подтверждения распространения иудаизма среди хазарского населения практически отсутствуют. Эту ситуацию можно считать парадоксальной, если учесть, что в дохазарский период в Северном Причерноморье, в том числе на Боспоре и в Крыму, памятники иудейского культа хорошо известны: это более сотни надгробий (каталог составляется С. Кашаевым) с иудейской символикой, традиционной для всего античного мира (менора, лулав, этрог), с надписями на греческом и еврейских языках. Античные манумиссии об отпущении рабов на волю под опеку общины иудеев при условии посещения ими молельни иудеев свидетельствуют об иудейском прозелитизме на Боспоре уже в дохазарскую эпоху [3]. В начале VIII века мир был строго разделен между двумя сверхдержавами, олицетворявшими христианство и ислам. Их идеологические доктрины находили выражение в силовой политике, осуществлявшейся классическими методами пропаганды, силового давления и военных захватов. Хазарская держава представляла собой «третью силу», доказавшую свое равенство двум другим и в роли противника, и в роли союзника. Но сохранить независимость Хазария могла, лишь избежав принятия христианства или ислама, в противном случае, она оказалась бы подчинена власти византийского императора, либо багдадского халифа.

Обе силы упорно старались обратить хазар в христианство или в ислам, однако старания эти приводили лишь к обмену дипломатическими любезностями, династическим бракам и ненадежным военным союзам, основанным на взаимных интересах. Полагаясь на свое военное могущество, хазарское царство, имея в тылу вассальные племена, решительно отстаивало свое положение «третьей силы», возглавляющей независимые степные народы.

В то же самое время близкие связи с Византией и Халифатом доказали хазарам, что их архаический шаманизм – не только устаревшее варварство по сравнению с великими монотеистическими религиями, но и препятствие на пути к наделению вождей духовной и юридической властью, каковой обладали правители двух мировых теократических держав, –

халиф и император. Однако обращение в одну из этих религий означало бы подчинение, конец независимости и потому было неприемлемо. Разве не логичнее в этой ситуации было перейти в третью веру, не связанную с другими двумя, но в то же время послужившую той и другой древней основой? [5].

Раннее свидетельство византийского историка Феофана о присутствии евреев в Фанагории, когда Боспор был под властью хазарского «архонта», может относиться к одной из общин, переживших эпоху «Великого переселения». Тем более замечательным представляется открытие на античном поселении Вышестеблиевская 11 (в 15 км от Фанагории) сооружения, включающего серию иудейских надгробий: в землянке была обнаружена вымостка из пяти надгробий, уложенных лицевой стороной (с изображениями меноры, лулава и шофара) вниз. В центре вымостки располагалась хорошо обработанная плита с менорой и надписью квадратным арамейским шрифтом, упоминающей имя Шабтая, сына Михаэля. Авторы раскопок отмечают использование рельефа с изображением меноры и прочих символов в декоре синагоги в римской Остии и считают землянку культовым сооружением — подобием скинии, где стоящая плита отделяла, как завеса, святая святых. На интерпретацию, вероятно, повлияло Письмо царя Иосифа из «еврейско-хазарской переписки», где описывается первоначальная форма культа только что обращенных хазар: правитель обратившихся хазар Булан действительно велел соорудить скинию, подобную Моисеевой; эта адаптация архаического «дохрамового» культа соответствовала кочевым традициям хазар.

К новым и уникальным находкам, проливающим свет на историю иудаизма на Тамани, относится надгробная плита, обнаруженная случайно на окраине античного города Кепы: от иудейских надгробий античного времени плита отличается нехарактерным изображением меноры — сам семисвечник венчает изображение дерева с восемью ветвями. Мотив «мирового древа» свойствен тюркскому, в том числе хазарскому, искусству, но неясность археологического контекста находки не дает возможности для определенной датировки и атрибуции надгробия. Ритуальные сосуды и другие предметы, упомянутые, в частности, в письме Иосифа при описании устройства скинии Булана, которые хотя бы предположительно можно связать с ритуалами иудаизма, в Хазарии (не только в степной) не найдены.

Показательно, что и собственно местные языческие ритуальные сосуды — чрезвычайно редкая находка в Хазарии (в отличие, скажем, от Сарматии, где они составляют обширную категорию керамики — курильницы) [4]. Для салтово-маяцкого периода известны буквально единицы языческих ритуальных сосудов. Это уникальные красноглиняные зооморфные сосуды и, возможно, два кувшина с валиками на горле из Саркела и Херсонеса.

Те и другие имеют характерный орнамент – зигзаги с точками на вершинах зубцов. Уникальной является находка сосуда со схематическим изображением меноры (стилистически близким изображениям на надгробиях) на салтовском кухонном горшке в разрушенном погребении на территории г. Мариуполя. Следует отметить, что символические изображения наносились на тулова кухонных горшков: в Саркеле найдены два горшка с мотивами «мирового древа», близкие по начертанию знаки имеются и на другой посуде из Саркела.

Упоминания о существующих на Кавказе иудейских общинах мы находим в трудах средневековых армянских, грузинских и арабских историков. В частности, об этом писали Фавстос Бузанд, Егише, Мовсес Каланкатуаци, Мовсес Хоренаци, Мас'уди и др. Об этом также свидетельствуют историко-полевые разыскания, которые выявляют большое число преданий, связанных с бытованием иудаизма в регионе. В частности, горное село Табасарана называется Джуг'уд-к'яла (букв. «еврейская крепость», «крепость иудеев»); «ущелье вблизи Маджалиса – Джуут-Гатта, а гора в этой местности – Джуфудаг, т.е. еврейская гора». Лучше всего материальные следы иудейских общин сохранились в окрестностях Дербента, а также на землях исторического Табасарана и Хайдака.

Дербент вместе с сетью крепостей на Северо-Восточном Кавказе оказывается в руках у хазар. Таким образом, появляются некоторые основания считать, что первоначальная иудаизация ранних хазар связана именно с переселенцами-иудеями. Симбиоз евреев с хазарами создал благоприятные условия для иммиграции в Хазарию византийских евреев-раббинистов во время гонений на них при Ираклии в 628–629 гг., за расправы их над греками во время персидской оккупации Сирии и Египта, и при Льве III Исавре в 723 г., за сотрудничество с арабами, вторгавшимися в Малую Азию. В Хазарии евреи нашли приют и разбогатели, участвуя в транзитной торговле, ибо Итиль лежал на пути из Китая в Прованс [1].

Таким образом, можно сказать, что общины хазар-иудеев существовали по всей территории Хазарского каганата. Сравнительно небольшое количество археологических находок, связанных с иудаистическим религиозным культом на землях хазар, однако, не дает нам права говорить о повсеместном распространении этой религии среди всего хазарского населения. Мы можем предположить, что иудаизм широко распространился среди представителей хазарской верхушки, но среди широких слоев населения бытовали, в основном, старые тенгрианские верования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулпатахова Х. М. К вопросу о распространении иудаизма в Хазарии // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – СПб., 2008. – № 37(80). – С.13–16
2. Даньшин Д. И. Фанагорийская община иудеев // Вестник древней истории. – 1993. – № 1. – С. 59–73.
3. Завадская И. А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса // МАИЭТ. – Вып. VII. – Симферополь. – 2000. – С. 79.
4. Петрухин В. Я., Флеров В. С. Иудаизм в Хазарии по данным археологии // История еврейского народа в России. – Том 1. От древности до раннего нового времени. – Иерусалим; М., 2010. – 240 с.
5. Плетнева С. А. Хазары, евреи и славяне // Хазары и Хазарский каганат. – Том 16. – Иерусалим: Гешарим; Мосты культуры, 2005. – 249 с.

АХУНОВ Р. С.

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МОРДОВСКОГО И РУССКОГО ЭТНОСОВ
В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ**

Аннотация. Вещественные источники играют крайне важную роль в исследовании истории раннего Средневековья. Письменные источники дают скудные, обрывочные сведения об отношениях древней мордвы и восточных славян. Однако, благодаря материалам археологии, мы можем реконструировать события минувших веков, в частности, установить торговые и культурные связи Древней Руси и мордовских племен, а также выявить их взаимное влияние друг на друга.

Ключевые слова: археология, этнология, история, Средние века, Русь, Россия, Мордовия, мордва, отношения.

AKHUNOV R. S.

**THE RELATIONSHIPS OF RUSSIAN AND MORDVINIAN ETHNIC GROUPS
IN THE EARLY MIDDLE AGES: AN ARCHEOLOGICAL STUDY**

Abstract. Artefacts play a vital role in the study of the history of the Early Middle Ages. Written sources give very little information about the relationships of the ancient Mordva and the East Slavs. However, archeological data enables us to reconstruct the events of the bygone centuries, establishing trade and cultural contacts of the ancient Rus and Mordvinian tribes as well as their mutual influence on each other.

Keywords: archaeology, ethnology, history, Middle Ages, Rus, Russia, Mordovia, Mordva, relationship.

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается рост интереса к культуре этносов, населяющих ее территорию. Не только профессиональные историки и этнографы, но и обыватели все чаще обращают внимание на свое происхождение, быт и культуру предков. По этой причине совершенно необходимо в полной мере осветить отношения народов России в прошлом, их экономические, культурные и дипломатические связи.

В VIII–X вв. племя мокшан населяло обширные территории в верхнем течении реки Дон до Мокши и Хопра, а эрзянское население – бассейн средней Волги и Оки. В этот период у мордовских племен существует развитая военная демократия, а также происходит формирование соседской общины [5].

К началу эпохи раннего средневековья в результате расселения из районов Нижнего Присурья древнемордовское население было окончательно дифференцировано на несколько племенных группировок, в среде которых в дальнейшем формировались языковые и

этнографические особенности мокшанской и эрзянской культур. Они имели компактные территории проживания в пределах Мокшанско-Сурского междуречья.

В конце первой четверти I тыс. н. э. часть древнемордовских племен из низовий Суры продвигается на юг вверх по течению и занимает пространства Верхнего Присурья. С их приходом там появляются первые грунтовые могильники (Селиксенский, Шемышейский). В прилегающих с запада районах Верхнего Примокшанья они застали близкородственное население периферии рязанско-окского культурного мира. Основная масса создателей рязанско-окской культуры проживала по течению Оки в рязанских землях и в Нижнем Примокшанье, где ими оставлены Кошибеевский, Шатришенский и другие могильники.

В конце VII в. под давлением продвигавшихся вверх по Волге агрессивных болгарских орд носители именьковской культуры покинули средневожские земли и ушли в левобережье Среднего Поднепровья, где они приняли активное участие в формировании восточнославянских племен. В движение пришло и древнемокшанское население Верхнего Присурья, основная масса которого продвинулась на запад и заняла пустовавшие с позднегородецкого времени земли по Валу и Средней Цне. Оно сразу смогло адаптироваться на новой территории благодаря высокому уровню развития комплексного хозяйства. Быстрому освоению нового района проживания способствовали природные условия, сходные с покинутыми верхнесурскими землями и весьма благоприятные для занятий земледелием и скотоводством. К тому же в начале VIII в. количество и плотность населения на землях по Валу и Цне значительно увеличились с приходом сюда из прилегающих районов среднего течения Оки носителей рязанско-окской культуры [1]. Их предки еще в период проживания мордовских племен на Верхней Суре принимали активное участие в формировании древнемокшанской культуры. Это обстоятельство упрощало и одновременно стимулировало процессы внедрения в древнемордовскую среду близкородственного населения. Основная масса рязанско-окских племен довольно быстро растворилась среди среднецнинской мордвы, оставив в ее культуре некоторые детали погребальной обрядности (восточная ориентировка умерших) и элементы женского головного убора (налобные венчики). Лишь небольшая рязанско-окская группа концентрируется в Нижнем Примокшанье и продолжает развивать свою самобытную культуру, представленную яркими материалами Шокшинского могильника у села Куликово Теньгушевского района вплоть до XI в.

Верхнесурские пространства стали очагом формирования древнемокшанской культуры. Эти процессы происходили на всем протяжении второй четверти II тыс. н. э. и сопровождались активным обогащением древнемордовской культуры рязанско-окскими традициями, носители которых постепенно растворялись в мордовской среде [2].

Восточные славяне в VIII в. населяли западную часть Восточно-Европейской равнины, но позже, в IX–X вв. стали селиться на северо-востоке, на землях финно-угорских племен, в том числе и мордвы. В населенных мордвой землях славянская колонизация шла, в основном, за счет племени вятичей, хотя отмечается также некоторое участие радимичей и северян.

Активное продвижение восточных славян на северо-восток подтверждается многочисленными и разнообразными находками славянских вещей в древнемордовских археологических памятниках. Изделиями древнерусских мастеров являются шиферные пряслица, широко представленные в погребениях Крюковско-Кужновского могильника в Моршанском районе Тамбовской области, Пановского могильника в Заметчинском районе Пензенской области и Елизавет-Михайловского могильника в Моршанском районе Тамбовской области; широкосерединные перстни из погребений Крюковско-Кужновского, Пановского, Елизавет-Михайловского, Томниковского в Моршанском районе Тамбовской области и Шокшинского могильников в Теньгушевском районе Республики Мордовия; подвески-лунницы из Томниковского могильника, памятников Чернигова и городища Титчиха в Лискинском районе Воронежской области; семилучные височные кольца с ложной зернью, характерные для радимичей (Крюковско-Кужновский могильник); трехбусинная подвеска из Борковского могильника; двулезвийный меч с треугольным навершием, нешироким прямым перекрестьем и желобками с обеих сторон клинка из II-го Журавкинского могильника (Зубово-Полянский район Мордовии).

Можно особо отметить находки стеклянных бус. В археологической литературе нет единого, принятого большинством ученых мнения об их происхождении: некоторые исследователи считают, что эти украшения являются импортом из стран Востока, другие – что они производились на Руси. Такие бусы были обнаружены при раскопках Давыдовского городища в Моршанском районе Тамбовской области, Лядинского могильника в Тамбовском районе Тамбовской области, Томниковского, Серповского в Моршанском районе Тамбовской области, Елизавет-Михайловского, Пановского, Крюко-Кужновского могильников.

Необходимо отметить, что, начиная с IX в., прослеживается увеличение в мордовских могильниках случаев трупосожжения, характерного для восточных славян этого периода. Так, в мордовских погребальных памятниках IV–V вв. не более 10% захоронений проведено по обряду трупосожжения, а, к примеру, в Лядинском могильнике IX–XI веков – до 27%. Распространение славянского погребального обряда свидетельствует о широком культурном влиянии Древней Руси на древнемордовские племена [3].

Столь же широко представлены мордовские находки в древнерусских археологических памятниках. При раскопках Новотроицкого городища в Лебединском районе Сумской области Украины, длинных курганов у деревни Дроково (Демидовский район Смоленской области) и Панеева Слобода найдены мордовские сюртаны. Характерная для древней мордвы серповидная гривна с лапчатыми подвесками обнаружена в Гнездовских курганах. В памятниках Пскова и Новгорода обнаружены венчики из бронзовых цилиндров и поперечных пластин – изделия древнемордовских мастеров.

Появление немордовских памятников на территории, заселенной мордвой, явление исторически закономерное (в полной изоляции живут только народы, попавшие в соответствующие природные или политические условия), но это не привело к кардинальному изменению этнической территории мордвы и основ ее культуры, хотя, безусловно, сыграло важную роль в ее развитии [4].

Таким образом, на рубеже I–II тыс. н. э. между мордвой и восточными славянами налаживаются прочные торгово-экономические связи, о чем свидетельствует широкий археологический материал как из мордовских, так и из восточнославянских памятников. Древнерусская культура оказала значительное влияние на развитие мордовских племен. Два народа долгое время жили по соседству и поддерживали активные торговые отношения. Взаимные связи мордовских племен с Древней Русью во многом обусловлены условиями жизни этих народов, близостью территорий, более высоким уровнем политического, общественного и культурного развития славян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алихова А. Е. Материальная культура средне-восточной мордвы VII–XI вв. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1969. – 176 с.
2. Вихляев В. И., Петербургский И. М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск, 1999. – С. 64–89.
3. Воронина Р. Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец XI–начало XII века. – М.: Наука, 2007. – 162 с.
4. Заварюхин Н. В. Истоки единения мордвы и восточных славян: история и современность // Гуманитарий. Серия «Социологические науки». – 2011. – № 4. – С. 101–104.
5. Терехова Н. В. Бусы средне-восточной мордвы VII–XI веков: историографический аспект // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2011. – № 2. – С. 189–192.

ГРИГОРЬЕВ И. А.
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ
ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ

Аннотация. Статья посвящена социально-экономическим и политическим воззрениям генерала Шарля де Голля. Рассмотрены факторы, повлиявшие на формирование идей, которые впоследствии перешли в политическое течение – голлизм.

Ключевые слова: Шарль де Голль, голлизм, власть, величие, Франция, конституция.

GRIGORIEV I. A.
SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL VIEWS OF CHARLES DE GAULLE

Abstract. The article considers the socio-economic and political views of General Charles de Gaulle. The author studies the factors that had influenced the formation of ideas, which subsequently became the ideological basis of the political movement of Gaullism.

Keywords: Charles De Gaulle, Gaullism, power, majesty, France, constitution.

Образование Пятой Республики во Франции, существующей по сей день, неразрывно связано с именем величайшего француза XX века Шарля де Голля. Рассматривая приход генерала де Голля к власти, не стоит думать, что его появление на исторической арене было простым совпадением. В силу личностных волевых качеств, убеждений и взглядов, а также сложившейся ситуации во Франции во время Второй мировой войны, генералу было уготовано сыграть ведущую роль в развитии страны: как во время, так и после войны. Шарль де Голль имел все, что требуется политику: социальную базу, благоприятные условия, личный талант, высокую политическую культуру, представленную в таком идейном течении как голлизм. Основатель и первый президент Пятой Республики во Франции всегда сетовал о величии Франции: «В моем воображении Франция предстает как страна, которой, подобно сказочной принцессе или Мадонне на старинных фресках, уготована необычайная судьба» [1, с. 23]. Так напишет де Голль в своих мемуарах: «...Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах...Франция, лишенная величия, перестает быть Францией» [1, с. 23]. Воспитанный в духе монархизма, в духе патриотизма, генерал был подавлен началом Второй мировой войны. Франция была разгромлена. Вести войну или капитулировать? Правительственный кабинет под предводительством маршала Петена отдал страну в руки оккупантов. Устанавливается режим Виши. 22 июня 1940 года Третья Республика прекратила свое существование. Не о каком величии Франции не могло быть и речи. На ком же лежала ответственность в падении страны? Само собой, на самом

политическом режиме. Вот как описывает сложившуюся ситуацию де Голль: «В то время, когда встал вопрос, от которого зависело настоящее и будущее Франции, парламент не заседал, правительство оказывалось недееспособным принять единодушное решение, президент Республики не поднимал свой голос даже в Совете министров в защиту высших интересов страны. В конечном счете, развал государства лежал в основе национальной катастрофы» [1, с. 99].

Для генерала де Голля наступает нелегкий период борьбы за восстановление величия Родины. Борьба шла по всем направлениям. Приходилось воевать на поле боя с немецкими войсками, вести борьбу за власть внутри движения «Свободная Франция», отстаивать интересы страны на мировой политической арене, помогать союзникам. В этот тяжелый период и начинает окончательно вырабатываться будущая политика Пятой Республики, которая получит название голлизм.

Как же складывалась идея голлизма? Истоки политической концепции уходят корнями в детство де Голля. Основы формирования личностных качеств и убеждений, как известно, начинают закладываться в детском возрасте в семье. Для того чтобы понять истоки складывания характера будущего генерала следует обратить внимание на то, в какой атмосфере воспитывался Шарль де Голль. Из истории семьи, к уважению к которой приучали всех детей, известно об истоках рода де Голлей, на протяжении веков помогавших королям «создавать» Францию. Еще в 1210 году славный король Филипп-Август пожаловал Ришару де Голлю ленное владение в Эльбеже. Особенно заметный след оставил участник Столетней войны шевалье мессир Жан де Голль, правитель Орлеана. Участвовал в известном сражении при Азенкуре и отказывается перейти на службу к английскому королю, теряет свои владения и обосновывается в Бургундии; король Франции вознаграждает его за верность и наделяет владением в Кюзери. К началу XVIII века предки Шарля де Голля превращаются из представителей «дворянства шпаги» в «знать мантии». Наместники, советники парламентов, судебных учреждений, прокуроры сменяют друг друга в фамильном списке [6, с. 20]. В семье де Голлей очень уважали историю семьи и Франции. С установлением в стране Третьей республики в семье поселилась грусть по монархическому прошлому Франции, а новый гимн «Марсельеза» считался богомерзкой песней.

Так же немаловажным фактором складывания воззрений Шарля де Голля на политику является его увлечение философией, поэтому следует посмотреть на идеи итальянского мыслителя Николой ди Бернардо Макиавелли. Задумку Макиавелли можно представить в трех тезисах: первый – в основе развития истории лежат «материальный интерес и сила», второй – он отмечал противоречивость интересов народных масс и правящих классов,

вследствие чего у власти должен был стоять сильный человек, способный подавить волнения в стране; суть третьего тезиса заключается в идеи «цель оправдывает средства» [5, с. 17]. То, в какой мере де Голль воспринял эти идеи, показала история развития Франции в послевоенный период. Естественно, что идеи Макиавелли следует рассматривать с позиции эпохи и времени.

Вторая Мировая война закончилась. Все страны, участвующие в войне, начинают заниматься разрешением внутренних проблем. В руках генерала находится обезображенная боями Франция. В своих мемуарах он напишет: «Никто за рубежом больше не считает, что мы играем одну из первых ролей в мире. Но и внутри Франции ее состояние можно описать как груды руин» [2, с. 289]. Треть всего национального достояния Франции была уничтожена. Не было ничего, чего бы ни коснулась война. Разумеется, наибольший урон был нанесен населенным пунктам, городам, было разрушено множество зданий. Сам генерал приводит такую сводку: «В ходе боев 1940, а затем бомбардировок нашей территории союзниками было полностью разрушено 500 000 домов, 1 500 000 серьезно пострадали. В пропорциональном отношении больше всего было разрушено заводов, что являлось еще одним препятствием для возрождения экономики...Инженеры, которых я спрашивал, к какой дате будет завершено восстановление наших сооружений и коммуникаций, отвечали «Потребуется двадцать лет!». Везде наблюдается нехватка орудий труда, удобрений, саженцев, хорошего посевного материала...» [2, с. 301]. Экономическое положение страны де Голль описывает так: «В целом, оккупация обошлась нам в 2 000 миллиардов франков в ценах 1938 года, то есть в 80 000 миллиардов на сегодняшний день» [2, с. 301].

Как в таких обстоятельствах можно было достичь цели – величия Франции? Как привести идею в жизнь? Первым составным элементом идеологии голлизма была выдвинутая де Голлем идея «национального величия» Франции. В мемуарах генерал напишет: «...Благодаря присущим стране географическим особенностям, благодаря гению населяющих ее рас, благодаря окружающим ее соседям эта нация обрела свойственный ей определенный характер, который заставляет французов и француженок в любую эпоху зависеть от своих отцов и нести ответственность за своих потомков» [3, с. 9]. Генерал считал, что нации совершенно необходимо осознавать «национальное величие», могущество и гордость. Прежде всего, это было связано с политической и социальной депрессией в обществе, после поражения Третьей республики и установления режима Виши. «За годы гнета именно вера во Францию, надежда на нее постепенно вели французов к Сопротивлению и освобождению. Снова работали те же силы для того, чтобы помешать разрушению и начать восстановление страны. Сегодня ничто другое не годится, когда речь

идет о том, чтобы идти к могуществу и величию» [2, с. 248]. Подъем национального духа, духа патриотизма, несомненно, важен в политики де Голля. Именно на волне поднятия патриотизма у населения после освобождения страны, генералу удастся установить временное правительство во главе с собой. Правительство провело ряд очень важных социально-экономических мероприятий. Женщины получили право голоса на выборах – впервые в истории Франции. Правительство де Голля восстановило профсоюзные свободы, увеличило заработную плату на 40 – 50 %, утвердило оплачиваемые отпуска, ввело систему семейных пособий для многодетных матерей, страхования по болезни, беременности, старости. С окончанием периода временного правительства и становлением Четвертой республики, генерал уходит с политической арены. Править страной с кабинетом, собранным из различных представителей партий, он не мог. Четвертой республики было уготовано недолго оставаться на плаву. После падения Четвертой республики во Франции, и становления Пятой республики, идея национального величия принимает иной оборот. Теперь, когда большая часть социальных вопросов решена, когда народ всецело поддерживает нового президента, де Голль говорит о том, что величие может выражаться в независимой национальной политики, а сама внешняя политика страны должна быть направлена на защиту интересов нации. Еще во время боевых действий во время Второй мировой войны де Голль выступал за соблюдение национальных интересов Франции, даже если его политика шла в разрез с планами союзников. Генерал указывал, что глава государства обязан вести независимый внешнеполитический курс и никак не следовать интересам других государств. В связи с этим тезисом де Голль и голлисты затрагивали проблемы международных отношений, а вернее сказать, вопрос о том, какую роль в развитии международных, биполярных, на тот момент развития, отношениях должна занимать Франция [4, с. 87]. Выступая за соблюдение национальных интересов, голлисты говорили о создании блока западноевропейских государств. По их мнению, в биполярном мире мог бы существовать и третий игрок, который бы уравнивал силы. В мире, где идет тихая вражда между двумя сверхдержавами, остальные страны либо занимают ту или иную сторону, либо ведут собственную политическую линию. Касательно колониального вопроса голлисты считали нужным предоставить некоторым территориям право автономии, при этом Франция должна выступать в роли учителя, оставляя за собой право поддержания порядка в зависимых странах, решения вопросов экономики и внешней политики [4, с. 88].

Но что являлось бы постоянным гарантом величия страны? Кто мог соблюдать национальные интересы после самого генерала. Прежде всего, как заявлял де Голль: у руля государства должен находиться сильный правитель, гарант «величия» государства. По

мнению генерала де Голля во главе государства всегда должна стоять «сильная личность со светлой головой, которая будет выражать сознание и честь нации, и гарантировать ее судьбу» [3, с. 15]. Де Голль отмечает, что такой человек «решительно становится хозяином действий, потому что, когда он вмешивается в них, они подчиняются ему. Находясь на высоте положения, он добивается успеха, а если ему не удастся выиграть, он берет на себя все тяготы, перенося их не без некоторого горького удовлетворения. Этот борец, который находит в самом себе источник энергии и свою точку опоры, игрок, который больше стремится к успеху, чем к выигрышу, и платит свой долг собственными деньгами. Человек характера придает действию благородство» [1, с. 24]. По мнению де Голля, такая личность должна пользоваться властью как монарх. По сути это должна быть личная диктатура, прикрытая той или иной формой правления. Не стоит думать, что глава государства выражал бы интересы только определенных групп населения. Напротив, генерал де Голль отмечал, что глава обязан выражать только национальные интересы, а не желания какого – то класса или партии. Глава государства – арбитр, примиряющий классовые и партийные интересы. Поэтому глава назначается не партией, а избирается народом [3, с. 14.] Возникает вопрос представительства государства: парламент или политические партии? Де Голль представляет это так: политическим партиям отводится небольшая роль представительства интересов различных классов и групп, а вот ответственную роль представителя государства и нации генерал отводит на главу государства. Так вторая глава Конституции 1958 года посвящена полномочиям президента Пятой Республики. Даже визуально чувствуется разница между полномочиями президента, парламента и правительства. Пятнадцать статей конституции определяют полномочия президента, в десяти статьях расписаны полномочия парламента, и лишь в четырех говорится о правах правительства [5, с. 29]. Статья 5 конституции 1958 года четко говорит о роли президента. Являясь гарантом конституции, президент следит за тем, чтобы она уважалась. Президент обеспечивает регулярное функционирование органов власти. Он является хранителем национальной независимости, целостности территории. Конституция предоставляет президенту право выражать национальный суверенитет. Таким образом, эта статья конституции значительно расширяет права президента Республики, по сравнению с тем как это было прежде. Содержание всех последующих статей второго раздела конституции является следствием данной статьи.

Большой интерес представляет 8 статья Конституции. Она предоставляет право президенту Республики назначать и смещать премьер – министра и по предложению последнего назначать и смещать членов правительства. По сути, эта статья предоставляет право контроля главой государства над исполнительной властью. Исполнительная власть

всецело подчиняется главе государства, а не парламенту. Сам же парламент лишен права формирования правительства и, следовательно, контролировать его. 8 статья конституции Пятой Республики положила конец парламентскому режиму. Передача главе государства права формировать и распускать правительство обеспечила политическую стабильность в стране. Сам генерал наметил ее еще в период Четвертой республики: «Для того, чтобы государство стало действительно инструментом национального единства французов, выразителем высших интересов страны и преемственностью в деятельности нации, я считал необходимым, чтобы правительство создавалось не парламентом, иными словами политическими партиями, а стоящим над ними политическим деятелем, получившим мандат непосредственно от нации в целом и способным выражать его волю, решать и действовать» [3, с. 12].

Наибольшей важностью обладает статья 16 конституции, в которой говорится об чрезвычайных полномочиях президента страны. Данная статья является объектом политических споров между сторонниками и противниками режима Пятой Республики. Согласно этой статье президент Республики получает право в случае серьезной опасности, степень которой определяется им же, объявить чрезвычайное положение в стране и взять всю полноту власти в свои руки. Данная статья долгое время являлась предметом острых политических дебатов. Давайте подробнее остановимся на важности этой статьи. Если вспомнить тяжелое поражение Франции в начале Второй Мировой войны, то нужно отметить, что основной вклад в развал страны внес именно слабый политический режим. На тот момент в стране была следующая ситуация: армия разгромлена, немецкие войска приблизились к столице, политическая верхушка находится в смятении. Был ли выход? Разумеется, да. Шарль де Голль напишет позднее в своих мемуарах: «Для того чтобы вновь взять бразды правления в свои руки, ему (Полю Рейно) нужно было вырваться из водоворота, перебраться в Африку и начать там все снова... Но для этого ему необходимо было принять ряд чрезвычайных мер: сменить главное командование, сменить маршала Петена и добрую половину министров, покончить с некоторыми влияниями, примириться с оккупацией Франции...» По сути необходимо было провести ряд чрезвычайных мер, которые в стране редко применялись. Возникает вопрос: достигли бы все эти усилия успеха, если в стране было бы введено чрезвычайное положение? Ответ очевиден. Франция к началу войны обладала большими территориями: речь идет о колониях. Если пала метрополия, то войну можно вести с колониальной Африки, ибо, как материальные, так и людские ресурсы позволяли это сделать. Как покажет история, генерал де Голль отлично продумал этот ход и применил все эти ресурсы для освобождения страны. Иными словами, если бы на тот момент

правительство не поддавалось бурей трагических событий, то у Франции, как и у всех союзников, были бы большие шансы закончить войну раньше. 16 статья конституции Пятой Республики обеспечила дальнейшую судьбу Франции на случай крупномасштабной войны.

Третья составная часть идеологии голлизма – социально-экономическая политика в духе реформизма. Эта часть политики появляется в конце войны, когда назревает острая необходимость реформ. В этот период во Франции идет мощный подъем народно – демократических сил. Общество требовало преобразований. В обстановке, когда происходил мощный всплеск интереса к коммунистической партии, де Голль понимает, что для того чтобы удержать власть стране нужны реформы. Разрабатывая социально – экономическую доктрину, генерал и его сторонники выдвинули идею «ассоциации труда и капитала», т. е. установления системы «ассоциирующей» лиц, обеспечивающих работу предприятия [4, с. 89]. В основе идеи лежал контракт, заключаемый между главами предприятий, которые представляли капитал, и представителями персонала, рабочими. Подписывая контракт, рабочий становился своеобразным акционером, чей вклад, т.е. труд уравнивался по важности и значению с вкладом капитала, а вознаграждение в той или иной мере зависело от производительности и прибыли. Сохранялась частная собственность на предприятии и власть руководителя [5, с. 112] Идея ассоциации была довольно типичным явлением, в духе буржуазного реформизма.

Помогла ли политическая линия генерала Шарля де Голля вывести Францию на мировой уровень? Несомненно. Несмотря на то, что после принятия конституции 1958 года Франция начала терять свои колонии, ситуация в метрополии только улучшалась. Установление сильной диктатуры де Голля помогло стране выйти из политического кризиса, когда один «призрачный» кабинет сменял другой. Партии, которые на протяжении долгого времени не могли прийти к общему согласию по поводу ведущего на тот момент алжирского кризиса, были отодвинуты на второй план, позволив новому президенту самостоятельно и в короткие сроки урегулировать конфликтный вопрос. В своих мемуарах генерал напишет «...результаты, достигнутые на протяжении первых четырех лет моего правления, кажутся мне ободряющими. Четыре года назад наша страна задыхалась в тисках ужасных политических конвульсий; я хотел заставить ее выбрать такое государство, которое имело бы главу, правительство, равновесие и авторитет. Это сделано!» [3, с. 271]. После проведенных реформ генералу удалось помешать стране продолжать проливать кровь как в случае с Алжиром, удалось помешать стране тратить деньги, усугубляя экономическое положение. Шарль де Голль стремился заменить бывшую колониальную Империю необходимой ассоциацией народов, некогда входивших в ее состав. Ему это удалось. В области

социальных реформ, проведенных в стране, стоит отметить, что они были необходимыми. Жилищная проблема, проблема школ, больниц, средств связи, заработных плат были тяжелым бременем Четвертой Республики во Франции. Естественно, чтобы найти поддержку в глазах народа генерал незамедлительно проводит ряд реформ по улучшению жизни населения. Это предотвратило нарастание недовольства внутри страны.

Касательно экономического прогресса стоит привести цитату самого генерала: «Я хотел избавить страну от безразличия к экономическим вопросам, от финансового дефицита, хронического падения франка, от социального застоя, мешавших прогрессу, который был необходим для процветания и могущества Франции. Я хотел, чтобы современная экономика Франции действительно развивалась по плану, чтобы ее бюджет был уравновешен, чтобы ее валюта имела неоспоримо твердый курс, чтобы распахнулась дверь для изменения отношений между ее детьми путем участия всех в деятельности предприятий. Франция достигла этого!» [3, с. 271].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарль де Голль. Военные мемуары. Призыв (1940–1942). – М.: АСТ, Астрель, 2003. – 815 с.
2. Шарль де Голль. Военные мемуары. Спасение (1944–1946). – М.: АСТ, Астрель 2004. – 799 с.
3. Шарль де Голль. Мемуары надежд (1958–1962). – М.: Прогресс, 2000. – 340 с.
4. Арзаканян М. Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. – М.: Высшая школа, 1990. – 196 с.
5. Ибрашев Ж. У. Политическая концепция Ш. де Голля. – Алма-Ата, 1971. – 130 с.
6. Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. – М.: Международные отношения, 1980. – 502 с.
7. Наумова Н. Н. Голлизм в оппозиции: Партия «Объединение французского народа» в политической жизни IV Республики 1947–1955. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1991. – 185 с.

КИСТАНОВ С. В., МАСЛОВ А. А.

**СТРУКТУРА ЭСЕРОВСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг. В РОССИИ**

Аннотация. В статье рассматривается структура групп партии социалистов-революционеров на территории Саранского уезда Пензенской губернии и Ардатовского уезда Симбирской губернии, ныне входящих в состав Республики Мордовия. Исследована зависимость масштабности эсеровского движения в мордовском крае в период первой российской революции от наличия организационной структуры партии.

Ключевые слова: революция, эсер, революционная организация, губерния, уезд.

KISTANOV S. V., MASLOV A. A.

**THE STRUCTURE OF SOCIALIST REVOLUTIONARY ORGANIZATIONS
ON THE TERRITORY OF THE PRESENT-DAY MORDOVIA REPUBLIC
DURING THE 1905-1907 REVOLUTION IN RUSSIA**

Abstract. The article considers the structure of the socialist-revolutionary party groups on the territory of Saransk County (Penza Province) and Ardatov County (Simbirsk Province). At present, both counties are parts of Mordovia Republic. The authors focus on the dependence of the magnitude of the socialist-revolutionary movement in Mordovia region during the first Russian revolution on availability of the party organization structure.

Keywords: revolution, socialist-revolutionary, revolutionary organization, province, district.

Масштабный общественно-политический кризис Российской империи начала XX в. нашел свое выражение в событиях первой российской революции 1905-1907 гг. Важным субъектом этого периода российской истории, сыгравшими значительную роль в революционных событиях в стране, стали политические партии и общественно-политические организации. Политические организации, возникавшие преимущественно в оппозиционной среде, в большинстве своем в период революционных потрясений находились в антиправительственном лагере.

Ведущей революционной политической силой на территории Среднего Поволжья (регион России, к которому относится современная Республика Мордовия) стала партия социалистов-революционеров (эсеров). Подобное значение данной политической партии определялось социальным составом местного населения преимущественно крестьянского с рабочим классом в губернских центрах. Крестьянство в начале XX в. и было главной социальной опорой партии эсеров.

К большому сожалению, советская историография в силу объективных причин не замечала партию эсеров, в большинстве научных исследований советского периода деятельность партии социалистов-революционеров приписывалась либо неуточняемым «революционерам», либо прямо социал-демократам (преимущественно большевикам). Лишь с начала 1990-х гг. в свет выходят работы, посвященные объективному исследованию революционных событий начала XX в. и месту политических организаций в них.

Важным направлением в исследовании революционного движения в Российской империи на примерах деятельности политических организаций является выяснение соотношения индивидуальной и коллективной деятельности. Несмотря на то, что участие в деятельности массовых политических организаций подразумевает коллективное взаимодействие по достижению общей поставленной цели, партийно-революционная работа начала XX в. в России была явлением достаточно сложным и многогранным. Для российской революционной действительности очень большое значение играли индивидуальные методы борьбы, активно культивируемые еще с XIX в., т.е. со времени деятельности организаций народников.

В начале XX в. индивидуальные действия (агитация, распространение нелегальных революционных печатных изданий, индивидуальный террор) были значительно распространены. Активная деятельность органов власти по пресечению революционного подполья всячески стимулировала индивидуальные формы подрывной деятельности. Однако несмотря ни на что стремление к объединению революционных групп и организаций присутствовали постоянно. С самого момента возникновения губернских групп революционных политических организаций, они стремились ставить под контроль мелкие группы и ячейки родственной политической ориентации. И наоборот, мелкие группы революционной направленности стремились обеспечить координацию с более крупными организациями, видя в них источник поступления, денег, оружия, нелегальной печати.

Партия социалистов-революционеров, действовавшая в период первой российской революции на территории современной Республики Мордовии, являла собой пример сочетания обеих форм революционной деятельности. Большое количество действий, направленных во вред местным властям были произведены революционерами-одиночками (например, достаточно громкое для нашего края того времени убийство в апреле 1907 г. Карсунского уездного исправника Шемякина уроженцем Ардатовского уезда Репиным). Однако и здесь наглядно проявляются тенденции, направленные на создание определенной партийной структуры для большей успешности антиправительственной деятельности.

На территории современной Республики Мордовия партийную структуру эсерам удалось создать на территории Саранского уезда Пензенской губернии и Ардатовского уезда Симбирской губернии.

К концу 1905 г. деятельность партии эсеров на территории современной Мордовии приобрела устойчивую организационную структуру. В центрах уездов сформировались уездные эсеровские группы, ставшие неотъемлемыми частями губернских организаций. В ведение подобных групп входила территория соответствующего уезда, на которой они вербовали своих сторонников, путем агитации пытались совершить переворот в сознании населения, чтобы создать из него надежную опору для борьбы с самодержавием. Уездные эсеровские организации, по мере возможностей, старались содействовать созданию партийных групп в как можно большем количестве населенных пунктов уезда, а также оставаться координатором их деятельности. Таким образом, на территории мордовского края проходил общероссийский процесс, свойственный российским эсерам: образование местных организаций шло по пути «сверху – вниз», то есть от губернской к уездной, а затем к сельской.

Наиболее характерно этот процесс выразился в Ардатовском уезде. Летом 1905 г. в Ардатове была организована эсеровская организация, взявшая в короткое время под свой контроль территорию всего уезда. Ардатовские эсеры поддерживали тесную связь с эсеровскими организациями Симбирска и Сызрани, на что показывает анализ найденной в уезде нелегальной литературы. Руководителем местной организации был Михаил Михайлович Косолапов, служивший долгое время в ардатовской земской управе.

Ардатовская группа, будучи составной частью симбирской губернской организации ПСР, способствовала появлению эсеровских групп в нескольких населенных пунктах мордовского края. Распространение эсеровского влияния в Ардатовском уезде шло двумя путями. С одной стороны, представители ардатовской организации расширяли число своих сторонников путем посылки своих агитаторов по селам и деревням уезда. В частности, подобным образом здесь действовали сестры Карповы. Перемещаясь по уезду, чтобы не привлекать внимание властей, они выдавали себя за торговцев разнообразным мелким товаром. При посещении сел Знаменское, Покровское и других они собирали небольшие импровизированные сходки, где раздавали всем желающим нелегальную литературу. Распространением эсеровских прокламаций в с. Тарханы Ардатовского уезда занимался в конце 1905 г. агрономический староста при ардатовской земской управе [1].

С другой стороны, политически активные жители уезда сами приезжали в Ардатов, где получали все необходимое (в основном литературу) для ведения политической работы в своем населенном пункте. Таким образом, складывались взаимоотношения ардатовской

организации партии эсеров с группой сложившейся во второй половине лета 1905 г. в с. Редкодубье. В этой эсеровской организации активное и деятельное ядро составили Иван и Петр Асусловы, Петр Меньшиков и Павел Назаров.

Интересным является и тот факт, что, когда в декабре 1905 г. группа в с. Редкодубье была разгромлена, было выявлено, что местные эсеры находились в постоянной связи с еще одной важнейшей эсеровской организацией Мордовии – большеберезниковской, ибо представители организации состояли с в переписке одним из виднейших ее деятелей – Павлом Гусевым, с которым решали общие вопросы [2].

На территории Ардатовского уезда действовало еще несколько эсеровских организаций, доставлявших определенные проблемы местным властям. Непосредственно с ардатовской организацией ПСР были связаны эсеры в с. Четвертаково (ныне пос. Тургенево), действовавшей во второй половине 1905 г. Организацию возглавили прибывшие из Ардатова Василий Мутов, Александр Шурков и Антонина Дубова, работавшая в городе учительницей в начальной приходской школе.

В тесной связи с ардатовцами в ноябре-декабре 1905 г. действовали эсеры в с. Кайбичево. Возглавлял их запасной рядовой Тимофей Тишкин, к числу его сторонников относились крестьяне Тарасов, братья Петр и Герасим Курчатовы. Тишкин повел пропаганду против местных помещиков Суворина и Письмерова, на крестьянских сходках он призывал к разделу помещичьего имущества и земли между жителями села. С его ведома в Кайбичево была создана дружина, состоящая преимущественно из сельской молодежи, численностью до 30 человек. 26 декабря он подбивал местных крестьян на забастовку в имениях Суворина и Письмерова, настаивая, чтобы плата была до 1 рубля в день, а чужаки не работали в их селе. Однако это было последним деянием кайбичевских эсеров. Тишкин был заключен в Ардатовскую тюрьму [3].

Таким образом, мы можем свидетельствовать о существовании на территории Ардатовского уезда Симбирской губернии иерархически выстроенной структуры партии социалистов-революционеров, в которой уездная партийная организация разными средствами создает свои «филиалы» в окрестных населенных пунктах. Успехи в строительстве партийной структуры стали одной из причин того, что Ардатовский уезд в 1905-1907 гг. стал на территории современной Республики Мордовия одним из самых взрывоопасных.

Гораздо более разветвленная структура партии эсеров сформировалась в 1905-1907 гг. на территории Саранского уезда Пензенской губернии. О ней полиции стало доподлинно известно по записям, найденным при аресте в Пензе 14 июня 1907 г. представительницы Поволжского областного комитета ПСР Татьяны Яковлевны Голынской. Данные записи

представляют значительную важность не только тем, что дают наиболее полный список представителей партии эсеров в уезде, но и тем, что они показывают тесную связь представителей партии между собой в рамках одного уезда.

Итак, «список Голынской» упоминает эсеров 25 населенных пунктов Саранского уезда. Во-первых, это Саранск, где еще с 1903 г. с перерывами, вызванными арестами наиболее активных членов, существовала довольно крупная организация. Документы саранского уездного исправника добавляют к этому, что в Саранск ездили эсеры из уезда за противоправительственной литературой и участия в митингах. Кроме Саранска упоминаются большинство крупных населенных пунктов уезда: села Лада, Зыково, Кочуново, Напольная Тавла, Воеводское, Малые Березники, Пятина, Павловка, Ромоданово, Танеевка, Горяйновка, Кочкурово, Скрябино, Архангельское Голицыно, а также более мелкие населенные пункты, в которых эсеры были представлены 1-2 членами партии.

Однако материалы уездного исправника, а также его комментарии к «списку Голынской» позволяют говорить не только о вертикальной связи между группами партии по принципу «уездный центр-местные организации», но и о значительных горизонтальных связях, т.е. между отдельными низовыми партийными организациями. У Голынской отмечено, что эсеровская группа в Зыково поддерживала связь с однопартийцами в с. Богородское Голицыно, указывается о связях малоберезниковцев с с. Пятина, а тех, в свою очередь, с с. Лыковщина, данные свидетельствуют о связи группы в с. Ишаки с Большими Ремезенками и Малым Маресьевым, эсеры, действовавшие в с. Павловка, по данным Пензенской уездной организации ПСР, были связаны с представителями партии в сёлах Гарт и Скрябино [4].

Таким образом, эсеровское движение на территории Саранского уезда в период революции 1905-1907 гг. было самым скоординированным на территории современной Республики Мордовия. Формирование иерархической системы уездных эсеровских групп в этот период стало одной из главных причин длительной антиправительственной деятельности партии социалистов-революционеров уезда. Лишь Карсунский уезд значительно превзошел саранских эсеров.

Таким образом, мы можем отметить, что одним из факторов успешной деятельности антиправительственных партий (в частности партии эсеров) в период первой российской революции стало создание устойчивой уездной организационной структуры. Данный фактор способствовал успешной координации антиправительственной деятельности из центра (в нашем случае уездного центра – Саранска или Ардатова), а также успешному распространению средств борьбы с властями (прежде всего нелегальной литературы и денег). Устойчивое функционирование партийной системы в рамках уездов длительный срок

(Ардатов – около года, Саранск – около трех лет) во многом стало тем каркасом, который превращал территории упомянутых уездов в зону активного противоборства оппозиционных политических организаций и представителей местной администрации. Слом партийной структуры неминуемо приводил к сокращению активных действий и постепенному затуханию борьбы отдельных представителей партии.

Несмотря на официальное признание индивидуального террора партией социалистов-революционеров, именно коллективные действия в период первой российской революции в итоге стали более эффективными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 855. Оп. 1. Д. 1422. Л. 51.
2. ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 766. Л. 280.
3. ГАУО. Ф. 855. Оп. 1. Д. 378. Л. 118-119.
4. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГАРМ). Ф. 34. Оп. 2. Д. 4. Л. 1-12.

КУДРЯВЦЕВА Е. В.

**ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОГО САМОСОЗНАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ
В ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация. Данная статья посвящена методам формирования толерантной личности в школе посредством исторического и обществоведческого образования. Автор раскрывает конкретные примеры деятельности педагога по воспитанию толерантной личности. В работе описываются примеры ролевых игр, проблематизация ситуаций, создание творческих проектов и проведение национальных праздников, работа школьного музея.

Ключевые слова: толерантность, историческое образование, школьное самосознание, личность, школьный музей.

KUDRYAVTSEVA E. V.

**THE FORMATION OF TOLERANCE IDENTITY AMONG SCHOOL STUDENTS
BY MEANS OF HISTORY EDUCATION**

Abstract. This article considers the methods of forming of a tolerant person at school by means of history and social science classes. The author analyzes the teacher's activities on educating a tolerant individual. In this connection, the study focuses on role-playing games, problem situations, art projects, national holidays, and the work of the school museum.

Keywords: tolerance, history education, school identity, personality, school museum.

Одной из особенностей Российской Федерации является то, что исторически наше государство складывалось как сообщество разных этносов, культур и религий. Учет интересов всех населяющих Россию народов и культур приобретает в современных условиях особую актуальность, поскольку изменения, произошедшие в стране в области политики, экономики, социальных отношений, вызвали, в свою очередь, рост национального самосознания этносов. Поэтому проблема толерантности всегда является одной из самых актуальных в России – стране многонациональной и многоконфессиональной. В Декларации «Тысячелетие», принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 2000 году, толерантность характеризуется как одна из фундаментальных ценностей XXI в. [2]. Значительная роль в формировании толерантности принадлежит историческому и обществоведческому образованию.

В последние годы предметное содержание, характер и цели исторического и обществоведческого образования существенно изменились. Подход, в соответствии с которым историческое и обществоведческое образование рассматривается как набор знаний, который надо изучить и запомнить, подвергается критике. Принципиально изменена

парадигма исторической науки: история определяется как результат концептуальных построений и толкований историков, всегда незавершенных и открытых для обсуждения. В процессе освоения исторического содержания через самостоятельный анализ, интерпретацию фактов, построение доказательства складываются личностные смыслы, способы объяснения мира [4].

Учитывая, что формирование толерантности как личностной характеристики есть процесс многофакторный, остановимся на анализе самого образовательного процесса с позиций оптимального отбора методов и форм толерантного воспитания.

Содержательная сторона образовательного процесса предусматривает целенаправленный отбор учебного материала: он должен включать различные теории, точки зрения ученых, следует акцентировать поворотные, альтернативные ситуации в общественном развитии, отражающие его многообразие, приводить различные оценки событий, политических деятелей.

Чем ближе к современности изучаемый исторический период, тем сильнее должны проявляться понимание и принятие альтернативности многообразия, открытости общества для реализации других вариантов развития. Таким образом, толерантное отношение к альтернативным вариантам формирует в определенном смысле дополнительный фактор развития общества, расширяя возможности выбора.

Процессуальная сторона образовательного процесса предусматривает определенную организацию самого процесса обучения в формах, соответствующих принципам личностно ориентированной педагогики: дискуссии, деловые игры, дебаты, решение проблемных задач, моделирование ситуации и т.п. В любом случае, проектирование образовательного процесса должно предусматривать наличие так называемого пространства неопределенности, в котором учащийся осознавал бы себя подлинным субъектом познавательной деятельности, где от него самого зависит выбор тех или иных вариантов решения учебной задачи, а также степени и формы личного участия в этом.

Организационные формы, основанные на общении, диалоге, сопоставлении различных точек зрения, восприятии учителя и своих товарищей, как равноценных субъектов познавательной деятельности, по сути своей, призваны содействовать формированию уважительного отношения к другому мнению, пониманию важности существования разных подходов, выдвижению гипотез, версий для решения учебной задачи в так называемых группах сотрудничества, восприятию разномыслия внутри группы как положительного фактора.

Какие же конкретные шаги необходимо предпринять педагогам, чтобы воспитать толерантную личность?

Исходным условием развития толерантности у школьников является организация их встреч с иными культурами в специально подготовленной среде. Организуя такие встречи, учитель как бы «перемещает» контакты школьника с другой культурой из стихийной социальной среды в некое, ограниченное педагогическими рамками, пространство, внутри которого можно произвольно и целенаправленно создавать необходимые условия.

Эти встречи могут быть смоделированы педагогом в специальных игровых ситуациях, где сами подростки берут на себя роли представителей различных культур и, стараясь удерживать свою новую культурную позицию, вступают в предусмотренный игровым сценарием «межкультурный» диалог по каким-либо проблемам [1].

Игра «Законы для Хрисламоленда» моделирует переговоры представителей христианского и мусульманского населения вымышленной страны «Хрисламоленд». В некоей стране встретились два народа, исповедующих различные религии – ислам и христианство. Учитель предлагает им выбрать одну из игровых ролей: христиан или мусульман. Затем учащимся предлагается сделать еще один выбор. Если кто-то из них считает, что совместное проживание в одном государстве представителей двух разных конфессий не только возможно, но и выгодно для тех и других, и он готов вести переговоры о правилах такого проживания, то дома ему предлагается подготовить аргументы в защиту своего мнения. Во время игры ребятам придется вести определенные переговоры. Если же кто-то полагает, что пребывание христиан и мусульман в одном государстве вызовет преимущественно проблемы и конфликты, что существование такого государства бесперспективно, и он готов критиковать позицию переговорщиков, то ему предлагается дома поработать над вопросом о том, какие именно проблемы могут возникнуть в таком государстве [1].

Как вариант этой игры может рассматриваться ролевая игра «Миклухи» и «Маклаи». Она заключается в следующем: коллектив учащихся делится на две группы, участники которых не только «говорят на разных языках», но имеют много существенных различий (у одних не принято улыбаться и уважать старших, у других матриархат и традиция посылать воздушные поцелуи), затрудняющих общение друг с другом. Задача, которую ставит учитель – договорится друг с другом по вопросам воспитания юношей [1].

На уроках обществознания возможны дискуссии по поводу таких проблем, как: проблема смешанных браков и религиозного воспитания детей в смешанных семьях, проблема соотношения разных религиозных традиций, проблема светской власти и невмешательства церкви в государственные дела.

Сюжет игры «Слушается дело о Кавказской войне» разворачивается как судебный процесс над войной – в нем принимали участие «представители» враждующих сторон в

конфликтах на Кавказе XIX и XX веков. Учащиеся пытались выяснить, как между двумя воюющими сторонами могут оцениваться причины кавказских войн, их справедливость и несправедливость, а также возможные последствия. Школьники пытались увидеть в своих «противниках» людей с интересами, желаниями, страхами и надеждами, схожими с их собственными [1].

Другим условием формирования толерантности является проблематизация – искусственно создаваемая для подростков проблемная ситуация, направленная на выявление возможных противоречий в их отношении к иным культурам, позволяющая им обнаружить и преодолеть свои собственные стереотипы, предрассудки, которые ранее, быть может, и не осознавались ими. Цель проблематизации – усомнение кажущихся очевидностей. Бывает, что подростки высказывают кажущиеся им вполне безобидными мнения, которые могут оказаться унижительными и оскорбительными для них [5].

Одним из приемов, помогающих подростку обнаружить собственную склонность к использованию социальных стереотипов, по мнению кандидата педагогических наук П. Степанова, может быть игровая процедура «Кто есть кто?». Школьникам предлагается набор фотографий и сопроводительная инструкция учителя: «на фото изображены реально существующие или существовавшие люди, причем часть из них – закоренелые преступники, а другая часть – авторы детективных романов». Затем учитель просит определить: кто есть кто? После 3-4 минут ребята высказывают свои версии и аргументируют их.

Как правило, подростки оживленно спорят, апеллируя к особенностям портрета человека. Когда выяснится, что достоверно определить, кто есть кто, никому не удалось, можно задать школьникам несколько вопросов: «Что вы думаете об этом занятии?», «Легко ли было его выполнять?», «Почему никому не удалось правильно определить, кто есть кто?», «Насколько объективны ваши оценки других людей?», «Часто ли вы оцениваете людей только по внешним признакам?» [3].

В ходе обсуждения подобных вопросов можно выйти на проблему соотношения внешнего вида человека и его внутренних качеств, проблему социальных стереотипов в оценке людей, проблему корректности вынесения подобных категоричных оценок.

Особого внимания заслуживает выполнение групповых заданий и групповых творческих проектов, например, разработка сценариев и проведение национальных праздников «Масленица», «Сабантуй», семейных праздников, создание коллекции молодежной одежды, стилизованной под национальные костюмы жителей Поволжья или Книги национальной кухни и т.д.

Еще одной формой работы по воспитанию толерантного самосознания школьников является создание школьного музея. Музей – учреждение, занимающееся собиранием,

изучением, хранением и экспортированием предметов – памятников естественной культуры, а также просветительской и популяризаторской деятельностью. Безусловно, он работает на образование, однако главная его функция – воспитание. На наш взгляд, к функциям любого музея относится не только информирование о памятниках родного края, страны, известных людях, но и, главное, сохранение традиций и преемственности поколений. Не стоит использовать музей только как наглядное пособие к уроку литературы, истории, естествознания. Музей должен оказать воздействие на систему ценностей детей в тот период, когда она еще находится в процессе становления. А это значит, можно говорить о музейной педагогике [5].

В процессе создания школьного музея принимают участие люди разных национальностей, конфессий, разных по характеру и духу: учителями, детьми, родителями. В процессе его подготовки школьники не только учатся общаться, развивают познавательные и творческие способности, воспитывают у себя чувство гордости за родных, за окружающих их людей, чувство уважения к прошлому родного края, страны, но и учатся слышать мнение другого человека, учитывать его интересы, вкусы. А это тоже толерантность.

Организация активной познавательной деятельности школьников, использование разных форм занятий, использование национально-регионального компонента и краеведческого материала – важные условия успеха формирования толерантного сознания школьников, что является одной из приоритетных задач обществоведческого и исторического образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громова Е. Развитие этнической толерантности в школе // Воспитание школьников. – 2006. – № 1. – С. 13–17.
2. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята 8 сентября 2000 г. – Резолюция № A/RES/52/2.
3. Клокова Г. В. Формирование толерантного сознания школьников в процессе обучения истории // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2004. – №1. – С. 18–25.
4. Никольский А. В. Историко-обществоведческое образование как фактор формирования толерантности // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2002. – № 5. – С. 60–62.
5. Степанов П. Воспитание толерантности у школьников-подростков // Учитель. – 2005. – № 6. – С. 49–52.

ЯНИНА В. П., ДЕВАЕВА Е. П.

**КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕСНОЙ ДАЧИ САРОВСКОЙ ПУСТЫНИ:
ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ОБЗОРА**

Аннотация. В статье анализируются особенности историографического обзора при комплексном изучении лесной дачи Саровской пустыни. Историографический обзор целесообразно провести по трем направлениям исследования отдельно. Это изучение обустройства лесной дачи Саровской пустыни, охрана леса, ведение лесного хозяйства в Саровской пустыни.

Ключевые слова: лесные ресурсы, лесоохранные мероприятия, лесоустроительные работы, история лесного хозяйства, лесная дача Саровской пустыни.

YANINA V. P., DEVAEVA E. P.

**A COMPREHENSIVE STUDY OF FOREST COTTAGE OF SAROV HERMITAGE:
THE FEATURES OF HISTORIOGRAPHY REVIEW**

Abstract. The article analyzes the features of historiography review provided in the course of a comprehensive study of the forest cottage of Sarov hermitage. It is recommended to study three areas for further inclusion in the historiography review. These are the development of the forest cottage in Sarov hermitage, the forest protection, the forestry of Sarov hermitage.

Keywords: forest resources, forest protection activities, forest management work, history of forestry, forest cottage of Sarov hermitage.

Исторически леса являются объектом хозяйствования, становясь одним из главных средств экономического развития общества. В настоящее время, когда происходит реформирование российского общества, возник как профессиональный, так и общественный интерес к лесам. В средствах массовой информации проводятся дискуссии в отношении лесной политики, разрабатывается стратегия дальнейшего использования лесных ресурсов, их охраны, защиты и воспроизводства с учетом политического, экономического и экологического факторов.

В условиях перехода к рыночным отношениям появляется возможность перестроить как организационную основу лесного хозяйства в целом, так и политику лесопользования с учетом экономических и экологических требований. Обращение к историческому опыту организации лесного хозяйства, в особенности частного, изучение государственного регулирования лесопользования, анализ лесоохранных мероприятий позволит определить направления дальнейшего развития лесной отрасли. Поэтому исследования

истории лесного хозяйства у разных собственников в настоящее время являются весьма актуальными.

Саровская пустынь во второй половине XIX в. имела огромные земельные владения – свыше 23 тыс. десятин земли. Большую часть этих владений (92%) составлял сосновый и еловый лес. Лесное хозяйство Саровского монастыря второй половины XIX в. заслуживает пристальное внимание в силу того, что оно характеризуется новой стадией своего развития. Возросшая эксплуатация лесного фонда монастыря в этот период привела к необходимости его рационального использования и как следствие регламентации. Во второй половине XIX в. в лесной даче монастыря проводятся лесоустроительные работы: первые в 1865-1867 гг. и вторые в 1890-1895 гг. Именно в этот период окончательно оформилась и лесоохрана дачи.

Саровская Успенская (Сатисоградская Саровская в память Успения Пресвятой Богородицы) мужская пустынь в течении всей своей истории находилась в Темниковском уезде Тамбовской губернии, на территории современной Мордовии, и только через двадцать лет после закрытия и разгрома, в связи с организацией в Сарове ядерного центра, была переведена в ведение Горьковской (Нижегородской) области.

При комплексном изучении лесной дачи Саровской пустыни находим целесообразным, дать историографический обзор по трем направлениям исследования отдельно.

Обустройство лесной дачи Саровской пустыни. Историография по данной проблеме берет свое начало в трудах дореволюционных специалистов лесного дела – ученых, лесоводов-практиков, юристов, экономистов, чьи работы были подчинены интересам решения острых моментов современного им «лесного вопроса». Первые такие работы появляются в середине XIX в.

Основатель Харьковского университета В. Н. Каразин в 20-х гг. XIX в. поднял вопрос о сохранении лесов и развил ряд положений о значении леса как природного фактора. В своих статьях он писал о благотворном влиянии леса на климат и водный режим рек; указывал на необходимость разведения леса в степях, облесения песков, посадки деревьев вдоль дорог и др. [1].

Работа Н. Анненкова «Лесоводство» раскрывает вопросы выращивания леса и систем рубок, направленных на улучшение древостоев, которые необходимо знать, чтобы избежать «губительных следствий беспорядочного выборочного хозяйства и отвратить неудобство неравномерного распределения лесов». Лесоводство является технической основой лесоустройства. Автор считает, что суть лесоводства состоит в следующем: «1) приведение лесов в известность; 2) устройство лесов и их возобновление; 3) возвращение лесов вновь» [2].

Работа Н. Шелгунова «История русского лесного законодательства» [3] повествует о развитии лесного хозяйства и лесного законодательства с Петра I до Николая I и содержит анализ «лесных» указов Полного свода законов. В работе оценивается вклад каждого Романова в законодательную базу лесной отрасли, что позволяет проследить постепенное развитие лесного права и изменение отношения к лесной собственности, как со стороны властей, так и во всех слоях общества. Шелгунов показал, что в каждый период царствования в организацию лесного хозяйства были внесены новые узаконения в лесное право, касающиеся управления лесами, охраны и защиты лесов, лесопользования и торговли лесом, лесной науки и образования. Талантливый публицист и ученый лесовод, хорошо знавший особенности русского и зарубежного лесного хозяйства, Н. В. Шелгунов не одобрял стремление вести хозяйство в русских лесах обязательно только по заграничным образцам.

Таким образом, уже к середине XIX в. начинает складываться историография по русскому лесоводству. К этому времени уже был накоплен ценный отечественный опыт.

В стране зародилось высшее лесное образование. Русскими лесоводами опубликованы важные научные материалы, основанные на отечественном опыте, появилась учебная литература по лесному делу, начала пробивать себе дорогу лесная периодическая печать. В разные годы издавались «Лесной журнал» (1832-1851), «Газета лесоводства и охоты».

В пореформенный период в России вместе с другими отраслями народного хозяйства сильно развивается и лесная промышленность, в частности лесопильное производство. На это в своей работе «Развитие капитализма в России» указывает В. И. Ленин [4]. К этому же времени относится усиление развития лесохимического производства.

Итоги деятельности Лесного департамента специалисты лесного хозяйства России подвели в 1898 г. в издании «Столетие учреждения Лесного департамента» [5]. В работе оценивается деятельность Лесного департамента с 1798 по 1898 г., который являлся центральным органом лесного управления, выявлены причины и события, оказавшие влияние на развитие лесного хозяйства. Также показаны преобразования и законодательные акты Лесного департамента, имевшие значение в государственной и экономической жизни России.

Большое влияние на развитие в России лесохозяйственных знаний, в том числе и лесоводственных, оказал профессор А. Ф. Рудзкий (1838-1901). Он опубликовал ряд учебных и практических пособий и руководств по лесному хозяйству и лесоводству, в которых уделял большое внимание биологии отдельных древесных пород и их взаимоотношению с внешней средой. Под редакцией А. Ф. Рудзкого вышло пять томов «Полной энциклопедии русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук»; в конце прошлого столетия он редактировал «Земледельческую газету» и журнал «Плодоводство». Составленное А. Ф.

Рудским «Руководство к устройству русских лесов» выдержало два издания, «Лесная таксация» – пять изданий [6]. В течение 25 лет он возглавлял кафедру лесоустройства в Петербургском лесном институте.

Ф. К. Арнольд опубликовал трехтомный труд (в четырех книгах) «Русский лес» [7]. Эта работа – своего рода энциклопедия лесного хозяйства – была написана в сотрудничестве с В. А. Тихоновым, а отдельные части – с Н. А. Филипповым, Л. И. Яшновым и Н. С. Нестеровым. В первом томе дана характеристика лесов России (главным образом статистические сведения о лесах), освещены «непорядки в хозяйстве русских лесов», сделаны тщетные попытки их устранения в рамках помещичье-капиталистической России. Первая часть второго тома включает ботаническую и лесоводственную характеристику древесных пород и способы посева и посадки леса; вторая часть охватывает вопросы «лесной технологии», включая технические свойства древесины, способы заготовки и транспорта леса, механическую и химическую обработку дерева; третий том освещает вопросы лесоустройства.

В 1895 г. Ф. К. Арнольд выпустил «Историю лесоводства» – ценный труд, насыщенный фактическим материалом [8].

Итак, русские лесоводы второй половины XIX в. своими трудами внесли существенный вклад в область лесохозяйственных знаний, усилили в лесоводстве принцип научности.

Крупнейших успехов отечественное научное лесоводство достигло в XX в. С этого времени оно окончательно оформилось и закрепило завоеванные позиции сложившейся самобытной русской лесоводственной науки, получившей в дальнейшем мировое признание.

Новую эпоху в русском и мировом лесоводстве открыл своей научной деятельностью Г.Ф.Морозов (1867-1920), который считал, что пора всероссийских рецептов миновала, так же точно, как прошла пора простого перенесения западноевропейских, преимущественно немецких, образцов хозяйства на русские леса.

В 1912 г. вышло первое издание его книги «Учение о лесе». В 1920 г. опубликована книга «Основания учения о лесе» [9] в более широком плане, но в нее не вошли некоторые важные разделы курса, обнародованные ранее.

Советские исследователи-ученые, лесоводы-практики, биологи, экономисты основное внимание акцентировали на изучении леса в плане развития лесной промышленности: лесозаготовки, транспортировка леса, деревообработка, где лесное хозяйство выступало в роли поставщика древесины, где лес рассматривался как промышленный объект.

К юбилею Лесного департамента выходит работа Н. Н. Гусева «История лесоустройства российского» [10], которой на большом фактическом материале показана

история возникновения, становления и развития специальной службы лесного хозяйства-лесоустройства – с XVII в. до 1990-х гг. Лесоустройство играет ведущую роль в организации рационального и не истощительного использования лесов, поэтому знания об этой отрасли необходимы для «удовлетворения потребностей общества в лесных ресурсах, сохранения экологического равновесия на территории лесного фонда, усиления защитных, природоохранных функций леса», как отмечает автор исследования.

В 1998 г. издается «Двухсотлетие учреждения Лесного департамента» [11]. Книга охватывает период с 1898 по 1998 г. и является продолжением первого тома, опубликованного к 100-летию Лесного департамента в 1898 г. В книге рассматриваются следующие вопросы, касающиеся ведения лесного хозяйства в России в советский период и в период перехода к рыночной экономике: организация, управление, законодательная база, лесоустройство, лесохозяйственные работы, влияние лесопромышленной деятельности человека на леса, лесная наука, образование, кадры.

Итак, мы видим, что существует хороший пласт работ по изучению обустройства леса в России. Однако монографических работ, исследующих вопросы лесоустройства в лесной даче Саровской пустыни, нет.

Охрана леса в лесной даче Саровской пустыни. Обращение к истории охраны лесов во многом позволит определить направления дальнейшего развития современной лесохозяйственной отрасли. Изучение истории лесоохраны имеет также несомненный научный интерес. В. И. Пантелеев справедливо заметил, что накопленный исторический опыт в эксплуатации земель и лесов «на заре капитализма с необходимыми корректировками вполне может быть использован в осуществлении земельной реформы в наши дни» [12].

Историография проблемы представлена двумя хронологическими блоками: работы дореволюционных авторов и исследования, начиная с 1920-х гг. до наших дней. Выделение дореволюционной историографии в отдельный блок обосновано наличием определенной специфики в выборе предмета исследования, методологических подходах к рассмотрению проблемы и, в целом, уровнем развития научного сознания и понятийного аппарата. Внутри дореволюционной историографии присутствует видовое деление на справочную и исследовательскую литературу, которая, в свою очередь, представлена рядом проблемно-тематических блоков, рассматривающих общие или частные аспекты лесоохраны. Наличие справочной литературы, многие положения которой до сих пор не потеряли своего научно-исследовательского значения, также является отличительной чертой дореволюционной историографии. Историография советского периода и современного этапа, объединенная нами в одну хронологическую группу в силу отсутствия принципиальных отличий,

распадается на два проблемно-тематических блока – работы специалистов лесного дела и исследования историков.

Дореволюционная справочная литература представляет собой отдельный вид в историографии лесоохраны благодаря наличию ряда специфических признаков, в число которых входит высокая информативность, сжатость, краткость и емкость изложения, а также неразрывная связь с практикой лесоохраны. Значительным достижением лесной науки стал выход в 1843-1845 гг. в Департаменте корабельных лесов «Лесного словаря» [13]. В статьях словаря подробным образом, со ссылками на работы виднейших зарубежных и российских лесоводов были рассмотрены практически все аспекты деятельности лесного хозяйства. Так, статья «лесоохрана» содержит информацию о реформах лесной стражи начала XIX в., ее обязанностях, организации, функционировании системы охраны лесов и т.д. В статье, посвященной лесным преступлениям, дана классификация лесонарушений и показан порядок их обнаружения и судебного преследования. Четвертая часть словаря представляет собой альбом рисунков и схем, иллюстрирующих содержание трех текстовых частей. Использование такого рода справочной литературы дает исследователю возможность более глубокого понимания объекта изучения через знакомство с понятийным аппаратом и уровнем развития лесоводческой науки дореволюционного периода.

В дореволюционной историографии проблема охраны лесов получила теоретическое осмысление в работах, объединенных общим названием «Лесоохранение». Одной из первых стала публикация П. Перельгина, вышедшая двумя изданиями в 1831 и 1835 г. [14]. Она предназначалась, главным образом, для частных лесовладельцев как руководство, заменявшее лесохозяину инструкции, имевшиеся у казенных лесничих. П. Перельгин одним из первых разделил предмет лесоохранения на три отделения: «охранение леса от вреда, причиняемого человеком», «охранение от вреда, производимого органической природой», «отдаление вреда неорганической, стихийной природы». При этом автор допустил ряд неточностей, включив, например, в предмет лесоохраны лесную таксацию.

Большой интерес, на наш взгляд, представляет исследование Н. С. Шафранова, выдержавшее два издания [15]. Н. С. Шафранов рассматривает лесоохранение как неотъемлемую часть комплекса лесохозяйственных наук. Практическое значение работы выражается в «подробном изложении вредных влияний и группировании мер, оказавшихся наиболее против них применимыми в русских лесах» [15, с. 48]. Кроме практических советов работа содержит богатый теоретический материал, который может быть применен при рассмотрении состояния лесоохраны в лесной даче Саровской пустыни. В отличие от П. Перельгина, Н. Шафранов делит предмет лесоохранения не на три, а на четыре группы: охрана лесов от действий человека, животных, представителей растительного царства,

различных природных катаклизмов. П. Перельгин исключил из своей работы вопросы защиты лесов от насекомых и растений-вредителей, отнеся это к кругу интересов лесной биологии и патологии.

Достижением дореволюционной историографии является разработка вопросов правовой охраны лесов, которая представляет собой систему правовых требований и организационных мероприятий, связанных с осуществлением контроля, учета и применением мер ответственности за лесонарушения. Изучение системы лесного законодательства началось довольно поздно – с середины XIX в. До этого весьма немногочисленные работы представляли собой попытки рассмотрения формирования правовой базы лесной отрасли и носили больше справочный, нежели аналитический характер. Правоведческий аспект лесоохраны нашел отражение в работах В. Врангеля, Н. Шелгунова, М. Романовского, С. Ведрова, Д. Шилова, Н. Фалеева. Одним из самых распространенных сюжетов была история развития лесного законодательства в России.

Работы В. Врангеля и Н. Шелгунова представляют собой сжатые обзоры развития лесного законодательства с XVII до первой половины XIX в. [16]. Практически отсутствуют выявление мотивов и результатов принятия тех или иных законов и критическая оценка существовавшей нормативной базы лесного хозяйства. Достоинством исследования В. Врангеля является подробное рассмотрение истории корабельных лесов и развития законодательства по их охране и эксплуатации.

М. Романовским была предпринята попытка создания комментария современного ему лесного законодательства, претерпевшего изменения в связи с принятием в 1876 г. нового Лесного устава. Исследование, по мнению автора, «заключает в себе изложение действующих главнейших законов и правил о лесах и о порядке управления ими» [17].

Серьезное исследование представляет магистерская диссертация С. Ведрова «О лесоохранении по русскому праву» [18]. Работа вышла в то время, когда вопрос о сбережении частных лесов стоял крайне остро. Справедливой, на наш взгляд, является позиция автора, который настаивал на необходимости ограничения прав частных лесовладельцев с целью сохранения лесов.

Труд Н. Фалеева стал последним монографическим исследованием проблемы в дореволюционной России. Он представлял собой «первую попытку создать самостоятельную научную дисциплину – лесное право» [19]. В работе, в отличие от предшественников, автор больше внимания уделяет теоретическим вопросам формирования и функционирования нормативно-правовой базы лесного хозяйства. Глубина анализа позволяет выделить это исследование как наиболее зрелое, вобравшее в себя достоинства предшествующих работ. После революции 1917 г. Н. Фалеев продолжал заниматься темой и стал одним из

основателей системы советского лесного права, находясь на работе в центральных органах лесного управления.

Лесоохранный аспект неоднократно затрагивался в работах отечественных лесоводов второй половины XIX – начала XX в. параллельно с другими актуальными сюжетами. Это время отмечено резким возрастанием интереса общественности и правительства к вопросу охраны лесов. Естественно, что лесоводы не могли остаться в стороне, участвуя в дискуссиях, предлагая свои варианты решения назревших проблем, подчеркивая значимость леса и необходимость его сохранения.

В советский период интерес к дореволюционному лесному хозяйству у специалистов лесной отрасли появился уже в 1920-е гг. Определяющая особенность публикаций периода 1920-1940-х гг. состоит в том, что в них красной нитью проходит сравнение существующих условий лесоохранны с дореволюционными. Одной из основных задач этих работ была пропаганда среди местного населения бережного отношения к лесу и внушение мысли о значимости лесного хозяйства для экономики Советской России.

Более поздние исследования лесоводов, появившиеся в 1950-1990-е гг. можно условно разделить на три направления. К первому относятся обобщающие исследования по лесному хозяйству страны, края, области, в которых истории отводится роль введения к основному материалу, причем больший объем информации приходится на советский период [20]. Недостатком работ этого периода (особенно на раннем этапе – в 1950-1960-х гг.) является их излишняя идеологизированность. Однако ценность и значимость этих работ заключается в профессиональном подходе к лесному хозяйству, глубоком и всестороннем знании и понимании проблемы.

Вторую группу работ лесоводов составляют журнальные и газетные статьи, специально посвященные историческому аспекту лесного хозяйства и лесоохранны [21]. Наибольший интерес представляют публикации Р. Боброва, отличающиеся глубиной анализа и наличием репрезентативной источниковой базы.

К третьей группе относятся теоретические и практические исследования лесоводов по вопросам лесной пирологии [22]. Использование таких работ позволяет привнести в рассмотрение истории охраны лесов от пожаров теоретический аспект.

На сегодняшний день история лесоохранны дореволюционного периода получила рассмотрение в работах Э. Г. Истоминой, Т. А. Смирновой, В. П. Зиновьева, М. О. Тяпкина [23].

Если вопросы, связанные с охраной леса в России изучены пусть и не полно, но все, же очень хорошо, то вопросы, связанные с охраной монастырских лесов, практически не

освещаются в литературе. В дореволюционной историографии не было специальных трудов, посвященных проблеме охраны лесной дачи Саровской пустыни.

Историографический анализ проблемы лесоохраны позволяет сделать вывод, что в изучении общероссийской проблемы охраны лесов был накоплен и введен в научный оборот большой фактический материал. История охраны русских лесов нашла отражение в работах специалистов лесного хозяйства, биологов, географов, экономистов, в которых достаточное освещение получили вопросы организации лесного хозяйства, лесоустройства, лесопользования, охраны и защиты лесных ресурсов.

Лесохозяйство Саровской пустыни. Историография по лесному хозяйству России исследуемого периода не многочисленна. В работе М. А. Цейтлина «Очерки лесозаготовок и лесопиления в России» [24] освещено развитие двух важнейших отраслей лесной промышленности России – лесозаготовок и лесопиления – за более чем двухвековой период. Показаны этапы формирования лесопромышленных районов в европейской части России, в Сибири и на Кавказе. Изложены пути развития русского лесозэкспорта и особенности его организации в различных портах. Рассмотрено влияние общеэкономических (частично и политических) причин на рост объема лесозаготовок и лесопиления в условиях капиталистической экономики. Дается анализ процессов захвата лесной промышленности России монополистическим капиталом.

Более полные сведения о прошлом лесной промышленности и отдельных ее отраслей можно найти в экономической истории некоторых отдельных отраслей народного хозяйства – металлургии, строительного дела и т. п. Так, наиболее обширные сведения по истории лесозаготовок в России мы получаем из исследования С. Г. Струмилина «История черной металлургии в России и СССР» [25]. В монографии важен материал по поводу основных материалов для металлургии, в разделах «заготовка дров» и «вывозка из леса», где автор описывает производительность труда лесорубов, стоимость их работ, а также процесс доставки дров с помощью гужевого транспорта до мест потребления и влияние улучшения дорог на скорость перевозок.

Очень полезным, в разработке поставленного вопроса, является труд Э. Д. Богатырева «Для умножения казны государевой. Казенная поташная промышленность России в конце XVII – третьей четверти XVIII века» [26]. В монографии исследуется история становления и функционирования поташной промышленности, выявляются факторы, определявшие масштабы производства, показывается система обеспечения его рабочей силой, и стратегия торговли поташом.

История лесопиления получила достаточно широкое специальное освещение в исследовании профессора П. Г. Любомирова «Из истории лесопильного производства в

России в XVII, XVIII и начале XIX вв.» [27]. В ней автор дает наиболее полную оценку развития лесопиления в России, рассматривая вопросы, связанные с моментом появления первых лесопильных мельниц, их постройкой и использованием труда на них.

Что касается вопроса об использовании труда в лесной промышленности, то тут можно сослаться на работу того же М. А. Цейтлина, а также В. И. Ленина [4, с. 24].

В последние годы интерес исследователей к истории русской православной церкви неизмеримо вырос. Отечественная историография пополнилась немалым количеством разнообразных и интересных работ в этой области. Однако во всей этой массе исследований практически отсутствуют работы, посвященные экономическому положению православных монастырей второй половины XIX в., а тем более их хозяйственной деятельности.

Историографию исследуемой проблематики можно разделить, с некоторой долей условности, на три периода: дореволюционный (до 1917 г.), литература советского периода (с 1917 – до начала 1990-х г.), работы современных авторов (с начала 1990-х г.).

Дореволюционный период характеризовался значительным преобладанием работ, в которых православным монастырям давалась исключительно позитивная оценка, а многие отрицательные стороны их жизни замалчивались вообще. Особенностью дореволюционного периода является доминирование работ, целью которых была актуализация и введение в научный оборот фактического материала по истории монастырей и монашества. Вот почему они представляют для нас не только историографический, но и источниковедческий интерес.

Все исследовательские работы дореволюционного периода, по интересующей нас проблематике, можно разделить на несколько больших групп. К первой группе относятся общероссийские труды, имеющие характер справочной литературы, в которых в краткой форме описываются все монастыри Русской православной церкви. Из них для нас наибольший интерес представляют работы Александра Ратшина «Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России» [28], Леонида Ивановича Денисова «Православные монастыри Российской империи» [29], а также издание «Православные русские обители», вышедшее в виде бесплатного приложения к журналу «Русский паломник» [30].

Следует отметить, что рассмотренные работы содержат определенное количество фактических ошибок, обусловленных тем, что их авторы практически не использовали при составлении своих справочников первичных источников, а опирались либо на вторичные источники, либо на ранее вышедшие работы. Что касается научного анализа приводимых здесь фактов, то он отсутствует вообще.

Ко второй группе дореволюционных работ по монастырям и монашеству относятся общероссийские труды, авторы которых занимались изучением отдельных сторон монастырской жизни. К сожалению, таких работ не много.

В 1876 г. вышла работа Д. И. Ростиславова «Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей» [31]. Пожалуй, она стала практически единственным объективным дореволюционным исследованием, опиравшимся на достоверную источниковую базу и характеризовавшим как положительные, так и отрицательные стороны экономической жизни обителей этого времени. В этой монографии есть сведения и об экономической деятельности Саровского монастыря, о количестве и качестве монастырской земли, рассматриваются многочисленные доходы, получаемые монастырем из самых различных источников: от богомольцев, от угодий, от часовен, сборных книжек, молебнов, от гостиниц, лавок, постоянных дворов и других «промысловых» заведений и т.д. Анализируются и монастырские денежные капиталы. Однако Ростиславов уточняет, что Саровскую пустынь он не посещал и все данные по Саровскому монастырю им получены из официальных источников или от частных лиц. Автор считает, что Саровская пустынь в конце XIX века являлась одной из богатейших обителей России.

Работа Н. А. Любинецкого «Землевладение церквей и монастырей Российской Империи» [32] представляет собой свод статистических данных о землевладении церквей и монастырей Российской Империи, сделанный на основании данных Святейшего Синода и Центрального статистического комитета.

Историография советского периода (с 1917 – до начала 1990-х гг.) по изучаемой проблеме не отличается обилием публикаций. Это связано с тем, что в данный период в нашей стране безраздельно господствовало атеистически-материалистическая идеология. Практически все монастыри в это время были закрыты.

Советская власть не приветствовала проведение объективных исследований по истории Русской православной церкви. Те работы, которые публиковались, носили в большинстве своем пропагандистский антицерковный характер [33]. Оценка монастырей и их деятельности во всех этих трудах была чисто негативной. Работы советского периода особый след в изучение исследуемой проблематики не внесли.

Современный период российской историографии (с начала 1990-х г.) характеризуется отсутствием различных идеологических запретов и цензурных ограничений в отношении объективных научных исследований по истории Русской православной церкви. Это привело к значительному увеличению количества и качества новых работ, посвященных истории православных монастырей, как в общероссийском, так и в региональном масштабе [34].

Самое главное, что сейчас происходит активное возрождение обителей, которые нуждаются в объективных исследованиях своей истории.

В работе известного историка Зырянова П.Н. собран уникальный материал по истории монастырей и монашества в XIX и начале XX века [35]. Главный вопрос, стоявший перед автором – о месте и роли монастырей в русской жизни.

Саровскому монастырю уделяли внимание в своих работах такие региональные исследователи как А. А. Агапов [36], В. Б. Смирнова [37], С. Б. Бахмутов [38], В. А. Степашкин [39], А. М. Подурец [40] и т.д.

Хотя и существуют определенные сдвиги в разработке заявленной проблематики, для страны, в экономической жизни которой лесным богатствам и всевозможным лесным промыслам, и ремеслу всегда принадлежала исключительно большая роль, уровень изученности и освещения отечественного лесного дела не может быть признан достаточным. Лесная дача Саровской пустыни во второй половине XIX в. как самостоятельная проблема комплексно не исследовалась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каразин В. Н. О лесоводстве и лесоразведении. – СПб., 1838. – 122 с.
2. Анненков Н. Лесоводство. – М., 1851. – 107 с.
3. Шелгунов Н. В. История русского лесного законодательства. – СПб., 1857. – 450 с.
4. Ленин В. И. Сочинения. – Изд. V. Т. 3. – М., 1958. – 533 с.
5. Столетие учреждения Лесного департамента (1798—1898). – СПб., 1898. – 142 с.
6. Вереха П, Рудзкий А. Литература русского лесоводства. – СПб., 1878. – 99 с.
7. Арнольд Ф. К. Русский лес. – СПб., 1893, 1897, 1898, 1899.
8. Арнольд Ф. К. История лесоводства. – СПб., 1985. – 366 с.
9. Морозов Г. Ф. Основания учения о лесе. – М., 1920. – 165 с.
10. История лесоустройства российского / сост. Н. Н. Гусев. – М., 1998. – 290 с.
11. Двухсотлетие учреждения Лесного департамента (1798–1998). – М., 1998. – 317 с.
12. Пантелеев В. И. Земельно-лесное хозяйство в Сибири к концу XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири. Вопросы истории XIX – первой трети XX в. – Вып. 2. – Томск, 1994. – С. 94–107.
13. Лесной словарь. Составлен в Департаменте корабельных лесов. – СПб., 1844. – 815 с.
14. Перельгин П. Лесоохранение или правила сбережения растущих лесов. – СПб., 1835. – 70 с.
15. Шафранов Н. С. Лесоохранение. – СПб, 1876. – 85 с.

16. Врангель В. История лесного законодательства Российской империи, с присоединением очерка истории корабельных лесов России. – СПб., 1841. – 194 с.
17. Романовский М. Курс русского лесного законодательства. – СПб., 1881. – 203 с.
18. Ведров С. О лесоохранении по русскому праву. – СПб, 1878. – 278 с.
19. Фалеев Н. И. Лесное право. – М., 1912. – 174 с.
20. Лесное хозяйство России. – М., 1968. – 287 с.
21. Бобров Р. В. Директора лесного департамента. – М., 1996. – 63 с.
22. Егоров Н. Н. Научные основы охраны лесов от пожаров в Западной Сибири // Труды по лесному хозяйству Сибири. – Новосибирск, 1958. – Вып.4. – С. 192–199.
23. Истомина Э. Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX в. // Отечественная история. – 1995. – № 4. – С. 34–48.
24. Цейтлин М. А. Очерки развития лесозаготовок и лесопиления в России. – М.: Изд-во «Лесная промышленность», 1969. – 296 с.
25. Струмилин С. Г. История черной металлургии в России и СССР. – Л.: Типография Академии наук СССР, 1935. – 324 с.
26. Богатырев Э. Д. Для умножения казны государевой. Казенная поташная промышленность России в конце XVII – третьей четверти XVIII века. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. – 248 с.
27. Любомиров П. Г. Из истории лесопильного производства в России в XVII, XVIII и начале XIX вв. // Исторические записки. – № 10. – М., 1941. – С. 222–249.
28. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России / сост. из достоверных ист. А. Ратшиным. – М.: Книжная палата, 2000. – 592 с.
29. Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. – М., 1908. – 269 с.
30. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех Православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. Бесплатное приложение к журналу «Русский паломник» за 1909 г. – СПб. : Книгоиздательство П. П. Сойкина, 1909. – 129 с.
31. Ростиславов Д. И. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. – СПб., 1876. – 368 с.
32. Любинецкий Н. А. Землевладение церквей и монастырей Российской Империи. – Ч. I–IV. – СПб., 1900. – 238 с.
33. Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). – М., 1975. – 248 с.

34. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. – СПб.: Рос. нац. б-ка, 2003. – 237 с.
35. Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М.: Вебум-М, 2002. – 320 с.
36. Саров: прошлое, настоящее: Альбом / автор-составитель А. А. Агапов. – 3-е изд. – Н. Новгород; Саров; Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2002. – 150 с.
37. Смирнова В. Б. Приходно-расходные книги как источник по истории лесопромышленной деятельности Саровского монастыря во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. // Труды МНИИЯЛИЭ. Серия историческая. – Вып. 38. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. – С. 183–196.
38. Бахмутов С. Б. Монастыри Мордовии. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2000. – 976 с.
39. Степашкин В. А. Преподобный Серафим Саровский: предания и факты. – Саров: ЗАО «ИНФО», 2008. – 264 с.
40. Подурец А. М. Саров: памятник истории, культуры, православия. – Саров: ЗАО «ИНФО». – Саранск, 2006. – 400 с.

ГРИГОРЬКИН В. А., ЭРСАБИЕВ Л.-А. Н.
СОРМОВСКОЕ СУДОСТРОЕНИЕ БЕНАРДАКИ

Аннотация. В статье анализируется история речного парового судоходства на Волге и роль предпринимателя Д. Е. Бенардаки в его развитии. Его основная заслуга состоит в строительстве одного из крупнейших судостроительных заводов на Волге – Сормовского.

Ключевые слова: экономическое развитие, паровая машина, акционерное общество, Дмитрий Егорович Бенардаки.

GRIGORKIN V. A., ERSABIEV L.-A. N.
SORMOVO SHIPBUILDING BY BENARDAKI

Abstract. The article studies the history of steam navigation on the river Volga and the role of the entrepreneur D. E. Benardaki in its development. The entrepreneur's main achievement is the foundation of one of the largest shipyards on the river Volga – Sormovsky.

Keywords: economic development, steam engine, joint stock company, Dmitry Benardaki.

В условиях общего экономического развития России в первой половине XIX века крепостное хозяйство в стране стало приходить в упадок. В недрах слабеющих крепостнических отношений развивался капиталистический строй. В промышленности второй четверти XIX века стал больше применяться вольнонаемный труд. В 30-50-х годах XIX века русская промышленность вступила в полосу технической революции, которая коснулась также сухопутного и водного транспорта. В России стали строиться первые железные дороги. На реках страны получали все большее распространение паровые суда (на Волге они впервые появились в 1817 году). Все это вызывало усиленный спрос на новые транспортные средства, создавало благоприятные условия для развития промышленных предприятий, обслуживающих транспорт.

В связи с этим очень важно проследить роль отдельных предпринимателей, внесших огромный вклад в развитие волжского пароходства, в частности – Дмитрия Егоровича Бенардаки (1799-1870), винного откупщика, горнозаводчика и золотопромышленника.

В пароходостроительном деле Бенардаки видел, как и выгодное средство для вложения капиталов, так и ту сферу, которая могла бы возвысить его над остальными промышленниками. Подстегивали и конкуренты. С 1843 по 1861 годы в Нижнем Новгороде было основано 16 пароходных товариществ и обществ [2, с. 17].

Инициативу по организации промышленного производства паровых судов в Волжском бассейне взяла на себя созданная 8 марта 1849 года в Петербурге компания «Нижегородской машинной фабрики и Волжского буксирного и завозного пароходства».

Она же была и основательницей Сормовского завода. Директорами главного правления стали: тайный советник князь Л. В. Кочубей, флигель-адъютант свиты его императорского величества, полковник, князь В. А. Меншиков и гвардии поручик Д. Е. Бенардаки.

Нижний Новгород являлся наиболее удачным местом для постройки завода по целому ряду причин, из которых определяющими были: непосредственное расположение в бассейне реки Волги, для которого и предназначалось строительство пароходов; наличие кадров нижегородских, балахнинских и городецких судостроителей; близость Нижегородской ярмарки, способной обеспечить практически всеми вспомогательными товарами, необходимыми для постройки пароходов; наличие в Нижнем Новгороде канатных, парусно-полотняных, и других предприятий; легкость получения неограниченного количества лесных материалов с реки Чижы [6, с. 80].

Для строительства завода в районе Нижнего Новгорода была выделена огромная сумма по тому времени – 500 тысяч рублей серебром. Для выбора места строительства завода и его заведывания был избран отставной майор, воспитанник института корпуса горных инженеров – Алексей Иванович Узатис, впоследствии ставший зятем Д. Е. Бенардаки. По поручению компании он подыскал место между деревнями Соромово и Мышьяковка. Владелица земли, действительная статская советница Крюкова продала свои одиннадцать с половиной десятин волжского берега за 6 тысяч рублей серебром. В купчей сказано, что компания приобрела у Крюковой землю: «начиная от межи государственных крестьян Козинской волости, деревни Соромовой вниз по течению реки Волги, вдоль правого ее берега». Эту важную торговую сделку Балахнинский уездный суд утвердил 21 июля 1849 года. Этот день считается днем рождения Сормовского завода.

Первоначально завод занимал всего две десятины земли с пятью деревянными и пятью каменными корпусами. В это время Сормовский завод состоял из токарного и слесарного отделений, чугунолитейной с кузницей, котельной мастерской и верфи для сборки судов. В донесении балахнинского земского исправника за 1850 год об этом предприятии сказано: «Машинная фабрика устроена в течение лета и осени 1849 года по проекту отставного майора Алексея Ивановича Узатиса и расположена в трех зданиях. Главное (среднее) – двухэтажное, нижний этаж каменный, верхний – деревянный, на 25 сажень. В одном из боковых зданий помещается котельное, а в другом – литейное и кузнечное заведения. Еще особо – пять жилых флигелей и запасные сараи» [3, с. 140].

Осенью того же года в цехах и мастерских было установлено выпущенное, преимущественно из Бельгии, оборудование. Еще до завершения постройки фабричных корпусов, на временных стапелях началась работа по постройке пароходных корпусов. С ноября 1849 года шаг за шагом развертывалась производственная деятельность и

внутрицеховых помещений. Нижегородская машинная фабрика в то время была единственным предприятием во всем Волжско-Камском бассейне, которая приступила к производству пароходов.

В мае 1850 г. был спущен на воду первый пароход, построенный сормовскими корабелями. Он имел символическое название «Ласточка». Вторым судном, построенным на Сормовском заводе, был двухтрубный кабестан «Астрахань» с мощностью машины в 60 лошадиных сил. Эти два судна и открыли первую в России навигацию от Нижнего Новгорода до Астрахани летом 1850 года. Тогда было построено 11 кабестанов, «забежек» и буксиров с деревянными корпусами общей мощностью машин в 448 лошадиных сил [5, с. 33].

Паровые машины, устанавливаемые на заводе и строящихся пароходах, отличались большой надежностью – на испытаниях двух паровиков «одного для паровой машины, поставленной на фабрике для действия сверлильных, стругальных, точильных и других машин», второго – для парохода «Ласточка», «оба выдержали давление в 12 атмосфер, то есть тройное против того, при котором они назначены действовать».

Первые пароходы, построенные на Сормовском заводе, «Заря» (60 л.с.) и «Стрела» (60 л.с.), были собраны в 1851 г. из частей, привезенных из Бельгии. В этом же году были спущены на воду еще 2 буксирных парохода, «Звезда» (60 л.с.) и «Комета» (120 л.с.), а также кабестан «Камышин» (24 л.с.). Первый пароход «Орел» с металлическим корпусом в Сормове заложили 8 сентября 1851 года, а 30 апреля 1852 года его спустили на воду. В июне «Орел» совершил пробный рейс из Нижнего Новгорода в Рыбинск.

За 1852 год сормовские судостроители спустили на воду еще 9 паровых судов, из них 4 железных. Если первые пароходы оставались собственностью компании Нижегородской машинной фабрики и Волжского буксирного и завозного пароходства, то с ростом производства значительная доля продукции пошла заказчикам. Угличскому купцу К. Журавлеву передали два кабестана и две «забежки». Кавказский наместник М. С. Воронцов получил из Сормова железный пароход «Кура» и к нему две железные баржи.

Заказчики не сетовали на качество сормовской продукции. Штурман Маркиан Иванов, доверенное лицо князя Воронцова, принимая суда, отмечал, что «пароход в 60 сил и две железные баржи по освидетельствованию оказались как размерами, так и устройством противу условия совершенно согласными, равно машина в действии по сделанной пробе вполне удовлетворительна» [2, с. 24].

Пароходы на Сормовском заводе строились русскими мастерами и из отечественных материалов. Выдерживая и охраняя курс на независимость, владельцы машинной фабрики не хотели ни в чем отставать от времени, от внедрения в производство новинок техники. Предметом особой заботы было устройство более современной судостроительной верфи,

располагавшейся в полуверсте от фабричных зданий, на правом берегу Волги. В 1851 году там построили два деревянных крытых эллинга. В них предполагалось строить только железные суда, деревянные по-прежнему должны были собираться под открытым небом. Со стороны Волги затон и верфь защищались песчаной косой, на которой впоследствии возвели деревянную дамбу и ледорезы для охраны построек от разрушения половодьем.

В середине 50-х годов на Сормовском заводе появилось более совершенное оборудование. Увеличилось количество станков, и возросла мощность двигателей. Теперь завод имел 39 станков, приводимых в движение машинами, 60 ручных тисков и верстаков, 35 печей и разных кузнечных горнов, три паровых котла и две паровые машины мощностью 12 и 25 лошадиных сил.

Такое оснащение в сочетании с мастерством рабочих, которые освоили технику, позволяло совершить новый шаг в развитии судостроения. За 1854-1855 годы с верфи Сормова было отправлено 17 готовых к плаванию судов. Это были буксиры, кабестанные пароходы и «забежки». Железные буксиры «Волна» и «Дельфин» имели двигатели мощностью 120 сил. Всего до конца 1854 года сормовичи выстроили 34 парохода, почти треть из которых была с железными корпусами [4, с. 35].

В 1854 году Дмитрий Егорович Бенардаки предложил преобразовать паевое товарищество в акционерное общество. Так как продажа акций сулила новые, дополнительные доходы, пайщики с этим предложением согласились. 7 мая 1854 года прежняя компания Нижегородской машинной фабрики и Волжского буксирного и завозного пароходства стала именоваться Камско-Волжским акционерным пароходным обществом. Капитал этого общества превышал 800 тысяч рублей [2, с. 26].

В 1853-1856 годах Сормовский завод поручил крупный государственный заказ на производство военно-морских судов для Каспийской флотилии. Подобный заказ благоприятно отразился на развитии завода.

Кроме того, в эти же годы из Сормова для вновь организуемого Астраханского порта было отправлено станочное оборудование и несколько пароходных и стационарных паровых машин.

Нижегородский губернатор, высказывая общее мнение знатоков пароходного дела о растущей популярности Сормовской машинной фабрики, в одном из своих отчетов писал: «Несмотря на столь короткое время своего действия, она успела получить в производстве своем огромные размеры и известность... Ее пароходы в легкости, прочности и ходкости мало уступают пароходам с бельгийскими машинами».

Завоевав первенство в создании отечественного парового флота на такой важнейшей водной магистрали, как Волга, судостроители Сормова добивались приоритета и в изготовлении

иного рода машин и оборудования. В 1858 году здесь была построена первая на Волге паровая землечерпательная машина.

Значительно увеличились масштабы производства в результате налаживания изготовления собственных комплектующих, хотя полной независимости от ввоза некоторых иностранных деталей достичь не удалось. До 1861 г. завод выпустил 60 паровых судов общей мощностью до 32 тыс. инд. сил, а его обороты превышали 300 000 руб. серебра в год [7, с. 88].

«Промышленная хроника» за 1858 год отмечает: «В Нижегородской губернии котлы и пароходы строились преимущественно на Сормовском заводе, принадлежащем компании Камско-Волжского пароходства, — именно котлы и машины для пароходов военных железных, назначенных для плавания по Каспийскому морю — «Бурлака» в 30 сил, и «Астрахани» в 160 сил, и буксирного парохода «Случайный»» [6, с. 35–36].

Хотя производство пароходов было профилирующим, на Сормовском заводе выпускались и другие виды продукции. По данным 1859 года в ассортименте продукции мы видим паровые машины низкого, среднего и высокого давления (преимущественно для собираемых здесь же пароходов), металлообрабатывающие станки различных типов: «сверлильные, долбильные, строгальные, резальные и винторезные» и др. Всего же в этом году было выпущено продукции на сумму 316 500 руб.

Успех предприятия во многом был обеспечен деятельностью технического и управленческого персонала, осуществлявшего грамотное руководство производственной частью. В начальный период, из-за отсутствия собственных специалистов-судостроителей, были приглашены бельгийские мастера: по корпусам — Арно, по механизмам — Кадо. В 1861 году техническое руководство заводом возглавил инженер А. Г. Некрасов. Его помощниками были механик Ф. С. Беляев и французский инженер Жорисон.

Управляющим заводом и пароходством был А. И. Узатис, внесший неоценимый вклад в становление и развитие дела. С именем директора Узатиса связаны все основные совершенствования элементов Сормовских пароходов. Это и улучшение формы и обводов корпуса с одновременным уменьшением его массы и усилением прочности; изготовление металлических корпусов; повышение коэффициента полезного действия движителей за счет применения гребных колес с поворотными плитами; повышении давления пара в котлах за счет улучшения конструкции; улучшение конструкций паровых машин [7, с. 89].

Успехам способствовали известный в России инженер М. М. Окунев, автор судостроительной энциклопедии «Теория и практика кораблестроения», являвшийся консультантом Сормовского завода. Его сын Константин в начале 1870-х годов некоторое время был директором предприятия.

В целом, технической стороне дела на заводе уделялось большое внимание, благодаря чему его можно было отнести к числу передовых в отрасли. В середине 50-х годов XIX века Сормовский завод завоевывает первенство в создании отечественного парового флота. Уже в 1856 году до 45% всех отечественных пароходов Волжско-Камского бассейна составили суда сормовского производства. Никакой другой завод страны того периода не мог конкурировать с ним по выпуску речных пароходов. Даже такой серьезный конкурент как Шепелевские предприятия (а точнее, Сноведский завод), где тоже строились суда, в том числе и для Волги, по количеству и по качеству продукции уступал Сормовскому заводу.

Весной 1857 года Камско-Волжское пароходное общество решило строить недалеко от машинной фабрики железоперделочный цех. К осени одноэтажное здание цеха удалось возвести полностью. Оборудование для него тоже было подготовлено на месте. Оно состояло из паровой 100-сильной машины, трех паровых котлов и парового молота в 3 тонны. Пуск железоперделочного цеха способствовал увеличению потенциальных возможностей завода. Теперь прямо в Сормове из сырых материалов по мере надобности могли вырабатываться различные профили и сорта железа и стали. С помощью этого цеха владельцы предприятия надеялись вообще создать надежный опорный пункт в развитии производительности предприятия и, конечно, ожидали прилива новых доходов. Однако планам скорейшего развития завода был нанесен серьезный удар. Еще в 1857 году разразился уже не первый по счету экономический кризис. Он не миновал на этот раз и Россию. Здесь кризис особенно остро проявился как в промышленности, так и в денежно-кредитной сфере.

Кризис серьезно отразился и на платежеспособности Сормовской фабрики. Кредиторы требовали денег, а их было недостаточно, поэтому пришлось распродать значительную часть имущества. 3 февраля 1860 года «директоры... общества Камско-Волжского пароходства... на основании общего собрания... продали одному из числа акционеров упомянутого общества, отставному поручику Дмитрию Егоровичу Бенардаки. собственную общества Камско-Волжского пароходства машинную фабрику с принадлежащею к ней судостроительной верфью и железоперделочным цехом». Скупив все акции «Нижегородской машинной фабрики и Волжско-Камского буксирного и завозного пароходства», Д. Е. Бенардаки стал единоличным хозяином предприятия.

Бенардаки рационально распорядился своей покупкой, начав усиленную модернизацию и реорганизацию предприятия. Фабрика была преобразована в мощный завод. На месте ремонтных мастерских были построены новые корпуса, а также сухой док. Благодаря высокому качеству продукции, прежде всего, по устройству корпусов, пароходы были признаны одними из лучших в России. В первый же год нового хозяйствования в механической мастерской завода появились новая мощная паровая машина и несколько

токарных станков. В железоперделочном цехе были установлены подъемный кран, две газовые сварочные печи, вентиляторная машина и прочие механизмы.

Примерно через год после перехода предприятия в руки Бенардаки в России было отменено крепостное право. Отмена крепостного права создала более благоприятные условия для дальнейшего роста капиталистической промышленности и, в частности, Сормовского завода. Однако положительное влияние реформы 1861 года проявилось не сразу. Вступление России на путь «свободного» буржуазного развития, особенно в первом пореформенном десятилетии, происходило довольно робко, с грузом оставшихся феодальных ограничений. Эти причины оказывали действие и на волжское судоходство.

Первые три пореформенных года Сормовский завод строил суда нового типа. Это были так называемые туера (иначе «цепные пароходы»), которые применялись на порожистых частях рек Шексна, Свирь и в верховьях Волги.

В то же время на заводе изготавливались с помощью пудлингования различные сорта железа и стали, тянулась проволока, ковались гвозди, отливались гири. Завод по-прежнему выполнял заказы на железные буксиры, паровые машины, газовые сварочные и нагревательные печи, паровые прокатные машины и производил ремонт судов. Бенардаки был неутомим. Его можно было видеть и в цехах на территории завода, и в затоне, и в конторе управляющего. Он вел переписку и переговоры с заказчиками и разного рода подрядчиками. Первоначально прибыль возрастала, и замыслы Бенардаки как будто стали сбываться, однако вскоре завод постигли временные неудачи. В 1864-1867 годах производство сократилось с 306 тысяч до 161 тысячи рублей [5, с. 35].

Неудачи были связаны с тем, что большая часть деятельности Сормовского завода по обслуживанию парового судоходства на Волге, Каме и Оке имела сезонный характер, а прочие заказы, как правило, были непостоянными, случайными. Это не устраивало заводовладельца. Со второй половины 60-х годов Бенардаки направляет свое внимание на другую, более выгодную и перспективную отрасль промышленности – на железнодорожное дело.

В России в это время разыгралась «железнодорожная горячка». В 1861 году страна имела всего 1488 верст рельсовых путей сообщения. А к началу 70-х годов их протяженность возросла в 7 раз. Небывало высокие масштабы железнодорожного строительства требовали огромных капиталовложений. Деньги преимущественно ссужала государственная казна. Приток сотен миллионов рублей превратил это железнодорожное дело в «золотое дно» для предпринимателей. В числе тех, кто хотел «погреть руки» на казенных заказах, диверсифицировав свое производство, был и Дмитрий Бенардаки. Он надеялся занять

выгодное положение в поставках металлопродукции для железнодорожного строительства. В конце 60-х годов XIX века производство на Сормовском заводе вновь оживает.

Самым благоприятным стал 1869 год. Более десятка пароходов, малых и больших, сделали сормовичи в том году. Кроме того, было отлито из металла много тысяч пудов различных железнодорожных принадлежностей. Стоимость реализованной продукции составила 410 500 рублей. По сравнению с началом десятилетия годовой оборот удвоился. Успешной перестройке производства во многом способствовала растущая металлургическая база. Завод располагал и большим резервом квалифицированных мастеровых, которых можно было сразу привлечь к новому производству. Эти обстоятельства, а также сравнительно дешевые средства сношений (через Московско-Нижегородскую железнодорожную линию) со всей сетью строящихся железных дорог ставили Сормовский завод в привилегированное положение среди многих предприятий России.

Но успехи одного года полностью дела не поправили. Завод работал намного ниже своих возможностей. За десятилетие, с 1860 по 1869 год, со стапелей Сормовской верфи сошло всего 40 паровых судов. В 1869 году на заводе начинаются работы по постройке сталеплавильной печи системы Сименса-Мартена. Это событие связано с именем горного инженера Александра Александровича Износкова.

До приезда в Сормово А. А. Износков более пяти лет работал на металлургическом заводе в Златоусте, служил окружным механиком. В 1867 году он побывал на Парижской выставке, где познакомился с конструкцией мартеновской печи. За границей Износкову удалось осмотреть и ряд заводов, оборудованных мартеновскими печами.

Вернувшись на родину, молодой инженер предлагает строить такие же печи на отечественных заводах. Но администрация златоустовских казенных заводов не поддержала инициативу окружного механика, и он был вынужден уйти со службы. Вскоре Износков покинул пределы Урала и приехал в центр Европейской России. Однако ни в Петербурге, ни в Москве его планы также не нашли поддержки. Лишь Д. Е. Бенардаки разглядел в молодом инженере великолепного организатора передовой технологии стального литья.

Из отечественных материалов и без помощи иностранцев А. А. Износков взялся в кратчайший срок выстроить на Сормовском заводе сталеплавильную печь системы Сименса-Мартена. Пуск первой мартеновской печи состоялся в начале апреля 1870 года. Весть об этом событии, имевшем огромное значение в развитии отечественной металлургии, быстро облетела все промышленные центры России.

Первая, так называемая, кислая мартеновская печь совсем не походила на современные ни по форме, ни по количеству выдаваемой продукции. Ее полезный объем (садка печи) составлял всего 2,5 тонны. Однако по тому времени, и эти масштабы

оценивались как очень значительные. Уже за первые стальные болванки, которые экспонировались в 1870 году на Всероссийской промышленной выставке в Петербурге, выставочный комитет экспертов присудил хозяину Сормовского завода Д. Е. Бенардаки «за введение литья стали по способу Сименса-Мартена» бронзовую медаль. Это была первая награда предприятия.

Сталевары Сормова, совершенствуя свое мастерство, за короткий срок достигли еще лучшего результата. В 1872 году на Московской политехнической выставке сормовская сталь была отмечена еще более высокой наградой. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете присудило Сормовскому заводу Большую золотую медаль.

Сормовская сталь, так быстро завоевавшая всеобщее одобрение, шла на изготовление рельсов, вагонов, всевозможного железнодорожного оборудования. Metallургическое производство на прогрессивной технической основе дало владельцу завода новые преимущества перед конкурентами.

Благодаря умелому управлению Д. Е. Бенардаки, Сормовский завод стал одним из крупнейших, известных всей стране многопрофильных промышленных предприятий. Речные суда, морские шхуны Сормовского завода можно было встретить по всей России. В отечественном судостроении Сормову принадлежало одно из ведущих мест.

В завещании Д. Е. Бенардаки, составленном в 1870 году, Сормовский завод описан как «...машинная фабрика, заключающая в себе заводы: машиностроительный, железопрокатный, сталепрокатный, судостроительный и вагонный...Прочие же отделения завода: машино-сборное, чугунно-литейное, машинное, кузнечное, локомобильное, котельное, материальное с сталелитейное... При заводе этом имеется машин и прочих заводских вещей три тысячи девятьсот восемьдесят два...» [3, с. 17].

В «Сормовском деле» отразились все выдающиеся предпринимательские качества Дмитрия Егоровича Бенардаки. Он вовремя предугадал начало промышленного переворота, сумел подобрать отличную команду специалистов, вложил в «Сормовское дело» свой талант руководителя, огромные финансовые средства и все свое влияние, как среди высших кругов Российской империи, так и среди других предпринимателей. Можно смело заключить, что Д. Е. Бенардаки не только создал Сормовский завод, но и превратил небольшую фабрику в легенду русской металлургической промышленности. Применение современных технологий и устройство многопрофильного предприятия с расчетом на будущее его расширение, являлось жизненно необходимым для «предпринимателя нового типа». Прекрасно разбираясь в металлургической промышленности и тех трудностях, что она испытывала в описываемое время, а также понимая весь риск золотодобывающего бизнеса, Бенардаки в

«Сормовском деле» подготавливал альтернативный источник дохода, который в меньшей степени подвержен риску банкротства и, в то же время, соответствовал новой экономической конъюнктуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышников М. Н. Деловой мир России: Ист.-биограф. справочник. – СПб., 1998. – 340 с.
2. Об учреждении акционерной Компании пароходства по рекам Каме, Волге и Оке, под названием Камско-Волжского пароходного общества // Журнал мануфактур и торговли. – 1854. – Т. 2. – 240 с.
3. Парусов А. И., Шульпин П. И. 100 лет завода «Красное Сормово» им. А. А. Жданова. – Горький, 1949. – 221 с.
4. РГИА, ф. 219, оп. 15, д. 23327, лл. 169-169 об., 174.
5. Седов А. В. История Красного Сормова. – М., 1969. – 350 с.
6. Татаринов В. И. Промышленная хроника // Журнал мануфактур и торговли. – 1858. – Т. 1. Кн.1. – 280 с.
7. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство: История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения. – М., 1927. – 808 с.